

Андрей
Воронов-Оренбургский

СТАЛИНГРАД

ТОМ 4

ЗЕМЛЯ ТРЕЩИТ,
КАК СУХОЙ ОРЕХ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭШАФОТ»

18+

Андрей Воронов-Оренбургский
Сталинград. Том четвёртый.
Земля трещит, как сухой орех

«Автор»

2019

Воронов-Оренбургский А.

Сталинград. Том четвёртый. Земля трещит, как сухой орех /
А. Воронов-Оренбургский — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-05194-2

"Сталинград. За Волгой земли нет!" - роман-сага о чудовищной, грандиозной по масштабу и человеческим жертвам Сталинградской битве, равной которой не было за всю историю человечества. Автор сумел прочувствовать и описать весь ужас этой беспримерной кровавой бойни и непостижимый героизм советских солдат... Как это возможно? Не укладывается в голове. Но ощущение полное - он сам был в этом аду!.. Он сам был участником Сталинградской битвы... Книга получилась честной и страшной. Этот суровый, как сама война, роман, возможно, лучший со времен "Они сражались за Родину" М. Шолохова. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-05194-2

© Воронов-Оренбургский А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Андрей Воронов-Оренбургский

Сталинград. Том четвёртый.

Земля трещит, как сухой орех

Глава 1

Стратегию действий Красной Армии определяла Ставка Верховного главнокомандования, где ведущая роль, безусловно, принадлежала Иосифу Сталину. Уж если им овладевала какая-либо идея, никто: ни Тимошенко, ни Шапошников, ни Мерецков, ни Рокоссовский, ни Василевский, ни Конев, ни даже Жуков, не мог его переубедить.

5 января 1942 года, после успешного контрнаступления под Москвой, Жуков был срочно вызван в Ставку. Сталин выдвинул план общего наступления по всему фронту от Ленинграда до Чёрного моря. Будучи хорошо информированным: что группа армий «Центр» была основательно потрёпана в боях, а группы армий «Север» и «Юг» были относительно свежими и Вермахт оставался покуда крайне сильным и опасным противником, Жуков привёл резонные доводы за проведение концентрического наступления против ещё не пришедшей в себя группы армий «Центр». Однако «Хозяин» уже принял решение, а это значило – другого не дано.

Наступление началось несколько дней спустя и, хотя на радость Верховному, на отдельных участках фронта нашим войскам и сопутствовал успех, сил для его реализации было явно недостаточно.

В конце марта 1942-го в Ставке состоялось новое совещание по обсуждению стратегии предстоящей летней кампании. Жуков и заместитель начальника Генштаба, генерал Василевский выступили за оборонительную тактику. Сталин же, со свойственным ему тщеславным упрямством, настаивал на том, чтобы провести ряд наступательных операций с ограниченными целями для облегчения положений осаждённых городов – Ленинграда на севере и Севастополя в Крыму. Также он жестко требовал освободить Харьков, который был четвёртым по численности населения городом СССР.

Харьковскую операцию должен был провести Юго-Западный фронт, при поддержке частей Южного фронта. «На первом этапе Красная Армия имела некоторый успех, но затем группа армий «Юг» начала мощное, чётко слаженное контрнаступление (операция «Фредерикус»), нанеся удар во фланг измотанным предыдущими боями советским войскам. После шести дней спланированных и стремительных атак, поддержанных массированными авианалётами, 22 мая 1942-го войска Оси окружили 290-тысячную советскую группировку (части 6-й, 9-й и 57-й армий). В то время как сжималось стальное кольцо окружения, мобильные соединения умело развили успех, прорвавшись на восток через Донецк к линии реки Оскол. К 30 мая в ходе операции «Фредерикус», было захвачено в плен 249 тысяч советских солдат. В очередной раз вмешательство Сталина в руководство войсками крайне дорого обошлось Красной Армии».¹

* * *

Тем не менее, летняя грандиозная кампания 1942 года не только стала переломной в боеспособности гитлеровской армии, но она так же показала, что советская армия с каждым месяцем становится всё более профессиональной и эффективной. В Сталинграде, части несокрушимого Вермахта столкнулись с уже «другой» Красной Армией, которая стремительно наращивала свою боеспособность.

¹ Сталинград 1942-1943; «100 битв, которые изменили мир».

Так, успех операции «Уран» в ноябре 1942 года продемонстрировал не только тактическое и техническое преимущество советских войск, но и стал примером блестящего планирования боевых действий на стратегическом уровне.

В отличие от немецкого «Плана Блау», наша операция «Уран» преследовала более скромную, но и более реальную цель – локализованный двойной охват противника, который был достигнут, несмотря на то, что Красная Армия ещё не до конца восстановилась после поражений начала войны. Советские командиры прекрасно использовали полученный на фронтах опыт, особенно по преждевременной эскалации первоначально успешного наступления зимой 1941-1942. Потому успех советских операций в конце 1942 красноречиво убеждает, что командование учитывало, а более училось на своих предыдущих ошибках, которые, впрочем, стоили СССР чудовищно дорого!

В отличие от противника, Адольф Гитлер и его Верховное командование оказались в 42-м году неспособными оценить приобретённый опыт на Восточном фронте. В ходе осуществления «Плана Блау» немцы повторили те же ошибки, которые они совершили во время операции «Барбаросса». Преследовавшее сверхчестолюбивые цели, наступление началось слишком поздно, а немецкое командование оказалось не в состоянии превратить первоначальный тактический успех в стратегический триумф. Гитлер постоянно губительно растягивал линию фронта, распыляя свои силы и оставляя фланги уязвимыми. За то наши войска с благодарностью приняли – с катастрофическими для Вермахта последствиями – столь неосторожное «приглашение» противника. Неудача фашистов разгромить СССР в 1942 году не была следствием какого-то менее эффективного взаимодействия родов войск, недостатка разведки и подготовки младшего и среднего комсостава или же снижения морального настроения боевых частей – всё это оставалось практически на уровне 1941-го. Скорее дело было в том, что советское командование научилось эффективно и грамотно использовать просчёты врага на стратегическом уровне. «Уран» был только первым шагом в скоординированном ответном ударе, потрясшем до основания весь Восточный фронт. «Уран» стал классическим примером стратегии окружения, которая показала превосходство Красной Армии над войсками Оси. Однако, в отличие от практикуемой немцами тактики «железных клещей» и «котлов», советское командование ставило географически ограниченные цели, но при этом стремилось гарантировать, что они будут достигнуты.

В течение 1942 года Красная Армия активно повышала свою боеспособность, хотя к концу года ещё не соответствовала по уровню подготовки личного состава уровню Вермахта. Однако, это удивительная способность к быстрому воинскому обучению не сулила в перспективе ничего хорошего Вермахту и взятой им на вооружение тактики «ежей» (крупных оборонительных узлов). В то же время, недостатки в организации, подготовке комсостава и планировании операций, а также нехватка огневой мощи и мобильности не дали возможности нашим войскам уже в 42-м окружить и уничтожить главные силы противника. Подобная задача была попросту не по плечу измотанной в кровопролитных боях армии, тем более, что Сталин недооценил оборонительный потенциал военной машины Вермахта, а плохие погодные условия, создавали воистину тяжелейшие трудности. Только отсутствие у Красной Армии необходимых резервов и огромная растянутость линии фронта, позволили, весьма ослабленной немецкой армии, избежать в 1942-м полного уничтожения. Без сверхмощной тяжёлой артиллерии, современных боеприпасов, танковых дивизий-корпусов, и эффективной координации военных действий, Красная Армия была не в состоянии сломить ожесточённую оборону немцев.

Не будет преувеличением и другое... Как Бог Свят! В течение всей кампании 1942 года на Восточном фронте боеспособность отдельного немецкого солдата всё ещё оставалась на зависть высокой. Большую роль здесь сыграла и сильная идеологическая подготовка.

Так, в конце весны 42-го немецкая пропаганда стала яростно наращивать свою активность, что бы создать «железную» мотивировку для сражавшихся на Востоке воинов Рейха.

В мае университетские светила-профессора посетили элитную дивизию «Великая Германия», где организовали семинар по обсуждению «коммунистической угрозы». Кроме того, 15 июля, в штаты боевых дивизий (по примеру советских политруков-замполитов) была введена новая должность офицера-воспитателя, который должен был координировать мероприятия по поддержке и укреплению боевого духа солдат. Этот офицер формировал дивизионную библиотеку из нескольких сотен новых пропагандистских изданий, а также организовывал обсуждения, темой которых были: «возрождение тевтонского духа» и «неизбежность победы Великой Германии». Всё это обязано было «усилить воинские качества» и максимально привить солдатам «моральную устойчивость во время кризиса».

Принятие столь кардинальных мер показало новую тенденцию в политике Верховного командования, которое любым способом стремилось заставить немецкие войска эффективно сражаться на фронте, несмотря на испытываемые лишения, и всё более и более неблагоприятную стратегическую ситуацию. При этом с методичным постоянством подчёркивалось, что немецкие войска ведут непримиримую борьбу с нецивилизованными «большевистскими ордами», «безбожными варварами», «нелюдями», которыми ловко управляют смертельные враги Рейха – евреи, победа которых приведёт к полному краху Германии. И надо сказать: такая тактика имела должный успех.

Офицеры-воспитатели были предшественниками «офицеров нацистского руководства», введённых в 1943 году, которые стали главным инструментом политического контроля в Вермахте в течение последних 19 месяцев войны. Политическая обработка солдат в духе беспощадного нацизма, сопровождалась изнурительной физической и огневой подготовкой, ежедневными тренировками рукопашного боя.

Первоначальные впечатляющие победы немцев на Кавказе в 42-ом году, были, в том числе и результатом активного культивирования в частях Вермахта «немецкой стойкости» и «тевтонского духа».

Но даже массированная политподготовка не могла компенсировать негативный боевой опыт, приобретённый немецкими частями в негостеприимных степях и предгорьях Кавказа. Здесь моральные и физические качества германских солдат должны были пройти проверку огромными расстояниями, дикой жарой и пылью, а также жестокой нехваткой воды – колодцев на юге России было мало, и вода в них была почти не пригодна для питья. Выжженная степь, солончаки и крутые горы, по которым наступала группа армий «А», чтобы выполнить приказ фюрера о захвате нефтяных месторождений, даже физически отлично подготовленных солдат заставляли воевать на пределе их человеческих возможностей.

* * *

...Им сказочно повезло. «Сталинец» – паровоз 1-4-2 серии И.С., – который должен был отправиться в Сталинград, оказался цел, лишь по той простой причине, что накануне налёта немецких штурмовиков, был отогнан машинистами в ремонтное депо для планового осмотра.

В течение четырёх часов силами двух батальонов, под руководством опытных железнодорожников, были расчищены и налажены пути, подцеплены оставшиеся вагоны и, под покровом ночи, эшелон тронулся на юго-восток. Продвигались медленно, часто стояли из-за мелких ремонтных работ на «железке», контрольных пропускных постов, сверки документов, связи с начальством, чего-то ещё и ещё, но эти мелочи, казалось, не замечались измученными бойцами. В вагонах-теплушках, убийственно пропахших ядрёной махоркой, людским потом, кожей ремней-сапог, вяленой рыбой и оружейным маслом, – слышался богатырский храп сотен глоток, журчливо разливался по кружкам крутой кипятком и приглушённо текли доверительные разговоры...

Возле артиллерийских ящиков малиновые огоньки сигарок высвечивали лица:

– ...я ж бил да бил их сук насмерть! И в рубцах и в складках рубах и, уф! – с чувством повизгивал голос Буренкова. – Источила – изжалила вша, спасу от неё нет поганой... Уснул тут

былоче третьего дня на попоне в конюховке, ан они б...меня густо обсыпали, расползлись под рубахой огневой чесоткой – жуть! – беспокойно вздыхая, поскрёб дородное тело Буренков.

– Беда с тобой, Григорич! Уж больно сладкий, видать ты... – весело хахакнул Марат. Его песочно-зелёные рысьи глаза ёрзали по раскрасневшемуся лицу земляка. – С тоски чולי развёл, такую ядрёную вшу? И каждая, подиж ты с мой кулак, а, Григорич?

– О-ох, и гнус, ты Суфьяныч! – покачал головой Петро. – А тебя быд-то не кусают? Ты сам-то чоль из дерьма слеппен, земляк?

Смолившие самокрутки стрелки, гоготнули. А замкомвзвода старший сержант Нурмухамедов, с зелёными клейкими глазами, подъевший толстяка Буренкова на счёт вшей, выбил других из состояния сонного полузабытья; разговор, поднявшийся после этого, дал новые темы, которые, впрочем, как санки с горки, съезжались к одному – к Сталинграду. Встряхнулся и сам Суфьяныч, дивясь самому себе, ощущая необычный прилив сил и богатый подбор ярких, язвительных слов, он разгорелся и, хороня под бесстрастной маской лица, прихлынувшее возбуждение, уже веско и зло втыкал ехидные вопросы:

– А ну, Григорич, брякни: как бушь крыть-бить фрица в Сталинграде? За страх, аль за совесть? Насмерть, как своих вшей? Ты только всех-то скопом не елдошь, дай хоть щепоть на развод гансам. Пушай тожить поскоблются суки, не одному тебе шелудивому быть.

– Охо-хо-о!

– Га-га-гаа!!

– Будя, Суфьяныч! Опять, как слепень, звенишь над Петром. Гляди, похудеет Григорич... Хрен к нам фриц за «шпиком» в гости нагрнет.

– Аха-кха-аа..

– Гы-гы-гы!

– Да тише вы, жеребцы! – в сердцах прикрикнул на них старшина Макарыч. – Не к добру ржёте. Тамось в Сталинграде, говорят немца понабилось больше, чем в Берлине, о как! Эх, вот так чакаешь под стук колёс, к чёрту в зубы и не знаешь, чойт наперёд придёт – свадьба со звоном или гроб с музыкой. А вам бы всё...зубы скалить. Тьфу, срамота!

– А ты не боись, Макарыч. Не считай колбасников! Значит больше бить будем гадов. Даром. Что ли с нами батяня-комбат? Товарищ майор везучий, хоть и суров... Вон даве, подковал Зорю...

– Цыц, холера египетская! Язык без костей! Вижу, урожай мозгов в твоём котелке, Черёма, не велик. Не трепи имя комбата в суе! Надо он вас всех жеребцов подкуёт... Поотрывает, что у вас козлов с детства выросло. Цыц, сержант! Магомед Танкаич с первого дня на передовой. Вы не знаете, я знаю... Он – сокол третью роту похоронил... Сменил на вас – живых, как бы стары сапоги на новы. И всегда впереди! Спины немцу ни разу не показал. Он, сынки, дай Боже каждому... повидал. Так-то вот! А вы: «гы-гы, да гы-гы»... Отбой, мать вашу! Дайте, братцам поспать. Чтоб больше не слышал вас!

* * *

...Вагон хоть и жёсткий – скотину перевозить, без пассажирских удобств, так сказать... Но мерно покачивает, как в гамаке, перестук колёс убаюкивающе сонлив; от тусклого подслеповатого фонаря до половины трёхъярусных лежаков желтая «хворая» вязь света. Но будь ты неладен, сопля пузырьём! Как таки славно и хорошо, хоть не надолго вытянуться во весь рост и лежать разутым, дав волю ногам, две недели парившимся в сапогах, пусть ненадолго, но не чувствовать за собой никаких обязанностей, знать, что жизни твоей, пусть иллюзорно, не грозит опасность и смерть ещё далека. Большинство солдат стали, как убитые. Так могут спать только совершенно вымотанные люди. Пали из пушек, они не услышат. Фронтовикам не нужны ни кровать, ни снотворное, чтобы крепко спать. Что тут добавишь? Жизнь на войне неделями, месяцами, годами кряду не является чем-то особенным, о чём нужно много и шумно болтать. Довольно не много фантазии, чтобы представить себе, как это было в реальности.

Но вот уж точно, на все сто! Это: что на войне, – ломаются, как картонный домик, решительно все стереотипы, привычки и неуклонно, хочешь ли ты того или нет, – происходит коренная переоценка ценностей. Человек, попавший на фронт, начинает ценить и радоваться тому, на что никогда не обратил бы внимание в нормальной, гражданской жизни. Спички, табак, печатное слово, горбушка чёрного, как земля хлеба, весточка от родных, катушка ниток, моток просмоленной дратвы, сапожная игла, питьевая вода во фляжке, газетная селитрованная бумага для самокруток, вата-бинты и прочие мелочи, мимо которых в мирное время – прошёл – не заметил, – на фронте становятся подчас пределом мечтаний!

А потому, солдаты в теплушках, естественно, наслаждались своим выпавшим отдыхом. Радовались мочалкам, мылу и щедрому Дону, который дал им возможность снова почувствовать себя людьми, и они словно заново родились, очистив себя и х/б от коросты грязи, опрелостей, струпьев и вшей.

Однако никто из них, ни отцы-командиры не имели понятия, насколько долгим будет сей отдых. Впрочем, на войне всегда хочется воспользоваться временными благами, прогоняя прочь чёрные мысли: что будет «потом» и «как долго»... О смерти, вообще, не принято распускать язык... Но если кто-то из «желторотых», необстрелянных и попробует завести эту тему, ему враз вложат ума те, кто уже посмотрел смерти в глаза, кто понюхал порошу и успел навсегда проститься со своими боевыми товарищами.

...Особенно приятно вслушиваться в разнобоистый говор колёс: ведь с каждым оборотом, с каждым рывком паровоза мечтается всё больше; слышатся и в такт стуку колёс легко читаются имена родных и друзей... И Магомед лежал, вслушиваясь в монотонный перестук, шевеля пальцами босых ног, всем сильным молодым телом радуясь свежему, только нынче надетому исподнему белью. Он испытывал такое благодное ощущение, будто скинул с себя грязное вретисе и входил в иную жизнь незапятнанно-чистым.

Однако тихий, умиротворённый покой, нарушал душевный неугомон, связанный с гибелью совсем молодых бойцов, не успевших повоювать с врагом, только-только принявших присягу... Жёг душу и приключившийся с ним инцидент в комендатуре. Слушая перестук колёс, он никак не мог поверить, что всё это произошло с ним на самом деле... Что за ним гнались... Хотели убить! И что теперь нет ни его тайного врага, ни его горластых ретивых ищеек... Только теперь, задним числом он чувствовал, как на него надвигалось нечто огромное и слепое, как нож бульдозера. И не было отпора, не было противодействия этому движению, лишь рыхлая, обгоревшая земля, обильно политая свинцом и кровью погибших солдат. И он, майор Танкаев, по прихоти злого рока, чёрт знает почему, оказался между сталью ножа и красным ворохом липкой материи, обречённый исчезнуть. Но он не хотел исчезать. Дрался за жизнь... Взывал к Небу... И возмездие нанесло ответный удар.

Но больше другого его сердце горца возмущала и мучала чёрная весть об измене Чечено-Ингушской республики... То, что это не миф, а правда, сомнений у него не было. Уж слишком серьёзные и конкретные документы предоставлял и со злорадством зачитывал особист. Сфабриковать такое?! И для кого?... Не-ет, исключено. Но как тогда всё это понять? Как, вообще, такое стало возможным?!

Он хорошо знал этот дружный, крепкий народ. Много чеченцев и ингушей, которые, не прячась за спинами других, храбро и мужественно сражались с врагом и многие геройски пали в боях. Другие – ударно трудились в тылу на благо Победы... Непостижимо!

Он верил и не верил. Терзался, страдал, чувствовал, как ноет сердце за горцев, за любимый Кавказ. Понимал, что это предательство, как не крути, бросало чёрную тень и на все другие народы Кавказа, который сейчас от гитлеровцев, рвущихся к богатым месторождениям нефти, защищала страна. Его передёргивало лишь от одной этой мысли – измене Советской Родине... А голос особиста Хавив, словно возникший из небытия, снова картаво звенел в ушах:

– Первое обвинение, которое так следует предъявить вашим соседям – чеченцам и ингушам – это массовое дезертирство. Вот копия документа...полюбуйся, что говорится о сём в докладной записке на имя народного комиссара внутренних дел товарищ-ча Лаврентия Берии «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР», составленной зам. Наркома госбезопасности, комиссаром 2-го ранга Богданом Кобуловым по результатам его поездки в Чечено-Ингушетию этого года и датированной 9 июня 1942 года:

«Истинное отношение чеченцев и ингушей к Советской власти наглядно выразилось в массовом дезертирстве и уклонении от призыва в ряды Красной Армии.

При первой мобилизации в августе 1941 года из 8000 человек, подлежащих призыву, дезертировало 819 человек.

В октябре 1941 года из 4733 человек 462 уклонились от призыва. В январе 1942 года при командовании национальной дивизии удалось призвать лишь 50 процентов личного состава.

В марте 1942 года из 14576 человек дезертировало и уклонилось от службы 13560 человек, которые перешли на нелегальное положение, ушли в горы и присоединились к разбойным бандам». И это всё...во время самой ужасной, кровопролитной войны, когда вся страна от мала до велика отдаёт все силы и жизни в смертельной схватке с фашизмом!! Ты понимаешь, Танкаев, чем это грозит всему твоему Кавказу?! Вот, вот всеобщей ненавистью советского народа, недоверием, презрением!

На протяжении всего допроса, подполковник из раза в раз, возвращался к этой теме и внедрял в его ум до этого неизвестные ему факты, разоблачал подлинные причины массового дезертирства, бандитизма и укрывательства немецких диверсантов в мятежной республике.

– Теперь, Танкаев, надеюсь, чуесч-ч? Где собака зарыта? Абреки твои сельсоветы жгут, райкомы грабят! Коммунистов, комсомольский актив, как свадебных баранов режут...А в это время, понимаесч-ч, весь советский народ кровь на фронтах проливает! Гололобое зверьё значит с барышом, а защитник-труженик опять нагишом?! Бесправен, запуган, унижен, как в гражданскую? Так пересыпал свою главную речь Хавив ругательным забористым перцем. Что сделать с ними за это? Верно, товарищ-ч маузер! Всех, всех к стенке предателей! Папахи-кинжалы долой и прилюдно-о!..Пусть волчьи стаи собственной кровью умоются!! Шкуры содрать с них!..

..Он помнил, как пробовал возражать, но Хавив едко и срамно высмеивал его доводы. Забивал в тупик простыми, убийственно простыми вопросами и Магомед волей-неволей вынужден был соглашаться, а вернее молчать.

Но самое страшное в этом было то, что сам он в душе чувствовал правоту особиста и был бессилён противопоставить ему возражения, не было их, да и нельзя было сыскать. С ужасом Магомед сознавал, что умный, коварный и злой Хавив постепенно неуклонно разрушает все его прежние установки о кавказском единстве, родине, о его понимании горской чести и доблести.

...Вот и теперь, ворочаясь на жёстком лежаке, вслушиваясь в стук колёс, он чувствовал небывалую тяжесть на сердце...Что подгнили и превратились в прель эти традиции, ржавью подточила их чудовищная круговерть войны, оживив старые распри, фанатичные, религиозные призывы Джихада и кровную месть. Эти мысли, как раскалённые угли, прожигали его самоё, изнуляли, придавливали цепкий, но не искушённый в этих проблемах ум. Он метался, искал выход, разрешения непосильной для его разума задачи и с пугающим откровением находил его в беспощадных ответах Хавив.

Изжаленный до нельзя этими вопросами, соскочил со своей полки, натянул сапоги, гимнастёрку не подпоясываясь ремнём, сунул в карман галифе спички и початую пачку «Казбека».

– Товарищ комбат, – всполошился держурный комвзвода лейтенант Смоляков. – Могу чем помочь?

– Сиди, сиди...Нарушений нет?

– Никак нет, товарищ майор.

– Станция скоро?
– Не могу знать. Эшелон идёт не по расписанию.
– Да знаю... Политрук Зимин гдэ?
– Спит, товарищ комбат. Обход провели, всё спокойно. Караул сменился двадцать минут назад. – Смоляков протянул руку с часами к керосиновой лампе «летучая мышь».
– добро. Меня не теряй. Я в девятый вагон, до командира первого батальона. Будь бдителен, лейтенант. Нэ проспи бойцов.
– Слушаюсь, товарищ комбат. Есть бойцов не проспать.
Танкаев прибавил шагу, напрягая зрение. Глаза залепила вязкая темнота, хлынувшая в проход вагона из прикрытого затвора.
...На очередной вынужденной остановке, он спешно прыгнул на каменистую насыпь и пробежался в голову эшелона.

* * *

Было около двух часов ночи, когда Магомед разбудил Арсения. Подсел к нему на лежак. В распахнутый проём вагона, сквозь приспущенную маскировочную сетку тёк сине-зелёный свет сентябрьского месяца. Скулы проснувшегося комбата темнели мятым багрянцем. Сыро блестели белки и серые впадины глазниц. Он вязко зевал, зябко кутал ноги в тощее байковое одеяло с чёрным армейским тавром в виде пятиконечной звезды.

– Танкаев, ты-ы?
– Так точно.
– Случилось что? – рука накрыла пузатую кобуру.
– Никак нэт.
– Чего не спишь?
– Сна нэту. Сон от меня бэжит.
– Мы опять стоим, что ли?
– Стоим. Давай выйдем. Покурим. Душно здэс, не продохнуть от портянок.
– Скажи на милость, а в твоей богадельне... розами-мандаринами пахнет? О-ох, и неугомонный ты, брат...
– Хо! Ест такое мал-мал.
– Дневальный, – Арсений Иванович, отложив портянки, одел на босу ногу хладные сапоги.

– Я, товарищ комбат! – громко откликнулся молодой голос.
– Тише ты, колокол! Чего орёшь, все спят. Долго стоим?
– Говорят двадцать минут. Сапёры мост проверяют.
– Ну, ежели, двадцать... Давай, потравимся табачком. Угощаешь, майор?
Танкаев без слов выбил на треть пучок папирос, протянул пачку. Спрыгнули на щебёнку, отошли в сторону. Курили в кулак, без «малиновых светляков», прислушиваясь к гнетущему предгрозовому затишью.

– Давай, только по существу, – комбат Воронов, уже без сна в глазах, пристально посмотрел на Танкаева.

– Я все о том допросе, в комендатуре... с Хавив, – понизил до шёпота голос Магомед. – Помнишь, говорил о мятеже на Кавказе?..

– Ну...

– Ты вот что мне объясни: выходит война одним разор, другим в позор... или на пользу, что ли?

– Ты об этом опять? – зевнул Арсений.

– Опят! А ты как думал?! – горячо зашипел Магомед, опаляемый гневом. – Развэ, не понимаеш-ш, Кавказ для меня свящ-щенен! Все, что там происходит не так... Клянус-с, как

кинжал ранит сердце! Э-э, что подумают люди о нас в России? В Москве? В Ленинграде? Что мы не советские? Что все кавказцы такие? Предатели, что ли, да-а?

– Тише ты! И у вагонов есть уши, сколько тебе говорить? Не волнуйся в Кремле не дураки сидят. Советское правительство и товарищ Сталин во всём разберётся. Виновных – накажут, героев – наградят. Тебе то, что за печаль? Ведь, ни твой Дагестан пролил кровь, нарушил при- сягу... и снюхался с немцами?

– Вах! Зачем так говориш-ш, Иваныч? Зачем в душу плюёш-ш?! Знаеш, ведь... Чечены, ингуши, как братья нам...

– Как и фашисты, которым они протянули в первый же год войны руку помощи? Хор- роши «братья»! – в серо-зелёных глазах Арсения вспыхнул огонь. – Да это ж... нам всем – нож в спину! Мне и тебе... всей Красной Армии!

– Знаю! Я не о том! Пойми, хоть ты! Эти шакалы-предатели, ни вэс народ Чечено-Ингу- шетии! Вот я о чём. Вай-ме! Что с ними будет??

Воронов, большой, плотный с прищуренными глазами, с седеющей чёлкой, упавшей из- под козырька на загорелый широкий лоб, клонясь вперёд, лицом к лицу столкнулся с Танкае- вым. Тот не отступив, выдержал взгляд.

– Думаю, тоже, что и с крымскими татарами... предавшими нашу священную Родину. Хищники должны быть убиты, пособники посажены в клетку. Третьего не дано. Скажи на милость, – вкось усмехнулся Арсений, с вспыхнувшей молнией в зрачках, глядя на побледнев- шее лицо друга. – Я что-то в толк не возьму, Михаил, как-то странно ты делишь наш Союз неру- шимых... Дагестан – родина, Кавказ – родня... А мы – все остальные: кем теплушки забиты, с кем воюешь ты, с кем в атаку идёшь, с кем бьёшь фашистскую сволочь – пащенки, что ли? Иваны – безродные... И звать нас никак?!

Синеватая бледность схватила медные скулы Магомеда, он плотно сжал твёрдые губы.

– Опят нэ так меня понял, Арсэний. Совсэм не так! – хмурясь, он сводил чёрные стрелы бровей, раздувал ноздри, водил по сторонам горячим, сверкающим взглядом.

– Слушай! Ты мне зубы не заговаривай, кунак. Тут с кровью дело, изменой прёт! Ни какой-нибудь... Государственной, чуешь?! И помни, голова на плечах не маловажный фактор.

– Да, что я... баран? Нэ понимаю?! Э-э, ты же знаеш-ш, Иваныч, русские для меня, как братья. Кровью спаяны. Собой меня закрывали... Чэстью Урады клянусь, никого на «своих» и «чужих» не делю. И землякам своим нэ позволяю.

– Вот и «не дели», и «не позволяй». Это правильно, дорогой. В правде и в единстве – наша сила! А насчёт твоих угрызений и дум... – Он крепко взял Магомеда за плечи и посмот- рел в глаза. – Уверен, жизнь всё расставит по своим местам. – Перво-наперво: Кавказ – Ста- линград ещё отстоять надо! Тогда и на твой вопрос ответ будет. Фашист всех истребит, если отступим. Сам знаеш, мы все для него – тараканы и вши. Неполноценные, второсортные расы, недочеловеки... Что-то вроде поганых двуногих собак. И я. И ты... И русский, и дагестанец, и украинец, и армянин, и грузин... все!

– Дэлль мостугай! Не навиж-жу! – комбат Танкаев взялся руками за кинжал, с презре- нием взгляделся в клубящуюся тьму, которую озаряли дроглые, зловещие всполохи. Опаляе- мый гневом прохрипел: – Рэзат и убиват буду их, покуда в жилах стучит кровь!

Докурив папиросы, они неторопливо пошли вдоль темнеющих вагонов, вдыхая прово- нявший солидолом, паровозной гарью и машинным маслом прохладный воздух. Навстречу им, попался усиленный наряд автоматчиков во главе с капитаном Колющенко.

– Всё посты обходишь, Сергей Михалыч? – Воронов вместе с Танкаевым ответно отдали честь, поравнявшемуся патрулю.

– Точно так, товарищ майор. Бережёного Бог бережёт.

– Долго ещё там будут копать сапёры? – поинтересовался у Колющенко Магомед Тан- каевич.

– Сапёр ошибается только раз, товарищ Танкаев, – усмехнулся капитан. – Да, как будто, всё. Проверили, мин нет. Скоро тронемся. Честь имею.

Патруль ходко захрустел гравием дальше, но Арсений оставался на месте. Через пару секунд молчания, он с тихой настойчивостью продолжил:

– Если так клочиться будешь по каждому поводу, никаких нервов не хватит. На желчь изойдёшь. Всем недоволен, всех ругать будешь: И власть, и войну, участь свою, госпиталь и больничный стол, полевую кухню и поваров, врагов и своих, себя и меня, Миха, – все, что попадётся на глаза и острый язык твой! Дай укорот своим чувствам. Война, она ни мать, ни тётка родная... Она, безноса... жестокая беспощадная сука – с железными зубьями и кованым языком. Она, паскуда, пожирает всех без разбору... Но вот, ведь, какая задора! Она ещё... и проверяет всех без разбору на вшивость.

Магомед слушал его с затаённым волнением. К концу он уже отчётливо понимал, что бессилён противопоставить какой-либо веский аргумент, чувствовал, что несложными, простыми, но откровенно правдивыми доводами припёр его Арсений к стене, и оттого, что зашевелилась наглухо упрятанное сознание собственной неправоты, кавказской чести и гордости, Танкаев растерялся, озлился.

– Выходит... ты тоже, как Хавив... Кавказ предателем, видишь-ш?

– Во-первых не Кавказ... и, ты, это знаешь. А во-вторых, – убеждённо подчеркнул Воронов. – Дело тут, конечно, не в полковнике, а в правде. И среди нашего брата дерьма хватает. А советскому народу, правда, во-о! – как нужна, а её драгоценную с царских времён всё хоронят да закапывают. Врут, что она давно уж покойница. Ан, нет, Миша! Правду не задушишь, не убьёшь. Она бессмертна. И таким огненным, очистительным зарядом, нас, сынов Революции, сама жизнь начинила, а фрицы с Гитлером только фитиль подожгли. Правда, она ведь, всех и вся на чистую воду выведет. Вот как дело-то обстоит, брат. Согласен?

Танкаев не видел, но по голосу Иваныча догадался, что тот улыбается.

– Э-ээ... Душу ты мнэ разворошил, Арсэний. Сэрдцэ кровью закипает! – Магомед хотел сказать, что-то ещё крепкое, острое в защиту Кавказа, но от серых гробов-теплушек – снова слышались окрики часовых.

Ровняя фуражку, Арсений направился было к своему вагону, когда на его плечо легла рука майора.

– Что ещё? Эшелон ждать не будет!

– Успеем. Вот, ты говоришь, много читал. Так?

– И что? – искренне удивился Воронов.

– Ва... Скажи, Арсэний Иванович-ч. Только чисто, честно и ясно скажи! У нас в ауле, откуда я родом, книг мало было. Только Коран у муллы.

– Ну, не тяни кота...

– Ай-е! Кто такой... гм... Куперовский Чингачгук? Может знаешь?

– Кто, кто? – ошарашенный вопросом, Арсений округлил глаза, русые брови поползли вверх.

– Ты, что... контуженный, что ли? – сверкая глазами, остребенился смутившийся Магомед. Но виду не подал. Выставил вперёд правую ногу и, сжимая пальцами простроченный офицерский ремень, гордо откинул голову назад так, что стало видно, как на орлином носу, подрагивают крылатые ноздри. Покусывая медные губы, он с вызовом смотрел на Арсения. «Э-э, мать-перемать!.. Можэт, прозвище сказал не правильно? Выкуси, поправляться не буду. Шайтан знает, как правильно. У меня тоже голова – не дом Советов... Но все равно, хоть стреноженный, а добыюсь своего!» – думал он, злобно обгрызая глазами крупное, лобастое лицо комбата. – Сказал же, «Куперовский Чингачгук»! – с горским достоинством повторил он, сильнее расправив плечи.

– Хм... – Воронов ещё раз живо окинул его взглядом с головы до ног и, смотря на его боевые ордена и медали, завесившие грудь, просто, без подковырки спросил:

– А с какого... ты, об этом вспомнил, ночь навеяла? Откуда взял?

– Ва-а! Откуда надо! Так скажеш-ш, нэт? – глухо проклекотал Танкаев и прямо в глаза поглядел комбату.

– Купер, Джеймс Фенимор Купер...это знаменитый американский писатель. Классик.

– Как Лермонтов? Пушкин? – выстрелил вопросом Магомед.

– Ну,..где-то, как-то...А Чингачгук, – поправил Арсений, ежась в улыбке, – это один из его главных, любимых героев. Индеец. Вождь своего народа.

– Вах! Хороший герой? Смэлый? Джигит? – аварские глаза вспыхнули, как раскалённые угли.

– Да, вот такой, как ты?

– Чэстно? Не плохой ругательство, который я нэ знаю? – настороженно уточнил Магомед.

– Честно. – Арсений Иванович, шуря весёлые глаза, глядел, как с бронзового красивого, мужественного лица горца, сошла тень подозрительности.

– Смотри, кунак...Я потом обязательно найду и прочитаю «куперовского Чингачгука».

– Меня то, что страшать? – снова тепло усмехнулся Воронов. – Мы читали, ты читай! Не горюй, наверстаешь упущенное после своей Военной тропы. Вот увидишь, будут и в вашем ауле у ребят книги. Нет, а в самом деле... Скажи на милость, с чего ты вспомнил о сём?

– Э-э...Было дэло. Хавив меня так назвал на допросе. Думал плохим словом обозвал собака...А спросить не у кого, понимаеш-ш?

– Гордись. Это тебе комплимент от него был. Тот герой...какой надо герой. Ни пыток, ни смерти...ничего не боялся. За равноправие, за свободу своего народа боролся с врагами.

– Как наш Хочбар!

– Может, и так. Короче, наш человек.

– Коммунист?

– Почти.

– Жалко, что нэ успэл вступить в партию.

– Ладно, проехали, брат. У тебя комиссар Черяга уже проводил политбеседу с бойцами?

– Так точно.

Они прибавили шагу. В голове эшелона тускло мелькнули сигнальные лучи фонарей, слышались приглушённые голоса дежурных офицеров.

– Готово-о! Караулы снять!

– Всем по вагонам!

– Ни пуха, ни пэра! И, чтоб все бомбы мимо! – повернулся он к Воронову, и они ударили друг друга лёгкими товарищескими хлопками.

– К чёрту! И тебе не хворать. – Арсений ухватился за железную скобу.

– Да, только уговор, Иваныч. Никому об этом...Нэ надо!

– Лады. Замётано, брат.

...Паровоз окутался молочными парами, лязгнул стальными сочленениями, сизый дым с огненными искрами вырвался из трубы и эшелон, натружено дёрнувшись, отдуваясь всё чаще и чаще, стал быстро набирать ход.

Глава 2

Разговор с Арсением Ивановичем отчасти ослабил узел перекрученных нервов, причесал лохматые мысли, но желанного покоя не дал, вконец прогнав его, – в глазах ни капли сна. Мысли теперь скитались в далёких горах, мчались по каменистым тропам, минуя мрачные ущелья и пропасти, к родным дымам Урады, к деревянному крыльцу родительской сакли. Мысли, как и кони в табуне, были разных мастей. Чёрные, тёмные – о болезни, о смерти близких – он гнал от себя жгучей плёткой, но чем сильнее замахивался, тем большим огнём хлестало его по душе худое предчувствие, тем больше сжималось и ныло сыновье сердце. В такие ночные минуты раздумий, он с радостным облегчением принимал беспмятство окопного сна, лишь бы отдалить тот момент, когда вернётся сознание и властно напомнит о дурном...

Таковыми предчувствиями-думами о родных, почитай жил любой фронт, любой солдат, до прибытия полевой почты, которая либо развеяла душевную хворь, либо подтверждала худшие опасения. А потому солдаты с радостью и суеверным страхом вскрывали письма из дому, – кто знает, какие вести, поведают ему на сей раз немые, бегущие строчки... Были и такие, кои заполучив из рук «почтаря» заветный треугольник со штемпелем, уходили, сторонясь чужих глаз, подолгу не решались вскрывать письмо; принимались к нему, шептали сокровенные слова защиты, будто незримый покойник уже ютился в оставленном ими далёком доме... И письмо, отправленное живыми, несло с собой его васильковый трупный запах.

Рука Магомеда сама потянулась к наградному карману, извлекла последнее из дома письмо. Сквозь мятые, подмоченные дождём строки его – ошутимо дышала бесконечная родительская любовь, плохо скрытые тревога и беспокойство за него, и горькая грусть долгой разлуки.

Написаны они были, как правило, одной и той же уверенной рукой – урадинского кадия, под диктовку отца и матери, и начинались всегда со священных для правоверных слов: «Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного...» Магомед усвоил этот незыблемый постулат с молоком матери. Мусульмане вообще не начинают какое-либо серьёзное дело, не произнеся: «Бисмиллагъи ррахІмани ррахІм».

...Читая эти первые строки, память уносила Магомеда в далёкое детство. Он хорошо помнил, что обязанность следить за своевременным и точным исполнением религиозных обрядов, была возложена на аульских дибиров (мулл).

...Когда в ущелье начинали густеть изумрудные, фиолетовые прозрачные сумерки, а небо на востоке принимало аметистовый оттенок, народ в большинстве своём шёл в мечеть на вечернюю молитву. Они, мальчишки, – три брата – Гитинамагомед, Магомед и Сайфулла, вместе с другими мужчинами аула обыкновенно отправлялись в мечеть. По окончании намаза поджидали отца, чтобы он видел их и избавил от ревностного расследования, которое всегда устраивал, если не встречал кого-то из них в мечети, сурово спрашивая: молился ли тот и где? – угрожая, что если, кто-то из них пропустит хоть один намаз, то Всевышний ниспошлёт большое несчастье на весь их дом.

...Набожные родители (не смотря на активную атеистическую пропаганду, что велась в те годы на Кавказе), строго исполняли повеления Шариата, который предписывал обучать детей с 7-летнего возраста всем молитвам, а за нерадение подвергать их строгим нареканиям. А за такое же небрежение к молитве детей с 10-летнего возраста должно подвергать телесному наказанию... Вероятно, ему ещё не было десяти, потому что его не били за неисполнение молитвы, а только крепко бранили и не давали есть, что всем им казалось хуже всякого телесного наказания. Впрочем, палка и плётка старого Танка, нет, нет, да и гуляла по спинам братьев и, отнюдь, не только за пропущенные молитвы... Большое хозяйство в горах, требует и большого труда. Тяжёлого, монотонного, ежедневного труда. В России на равнине, колодец есть почти у каж-

дого дома, на каждой улице – точно! А выкопать колодец в горах Кавказа – подвиг! Это по плечу только очень сильной и дружной семье, а то и целому роду. Воистину каторжный труд, требующий железной воли и колоссального напряжения, – буквально от каждого.

...Когда муэдзин воспевал на крыше мечети призыв к молитве, весь аул умолкал, и водворялась почтительная тишина, прерываемая лишь голосами стариков, повторявших священные слова вслух. Каждый мусульманин обязан слушать муллу, когда он воспекает призыв к молитве, и повторять каждое слово вслед за ним. По окончании пронзительного призыва каждый порядочный мусульманин читает про себя сакральную молитву следующего содержания:

«Аллах, Всевышний наш и Вседержитель сего полного призыва, ниспосли Магомеду милость и высокую степень, Воскреси его на похвальном месте, кое Ты обещал ему в раю. Аминь. О, Всемиловитвейший!»

...Он помнил: как по окончании призыва аксакалы двигались в мечеть на совершение молитвы вместе с кадием, а за ними шли и другие, которые молились отдельно. Пришедший в мечеть сначала совершал ритуальное омовение... По тому как по мусульманскому закону человек должен молиться на чистом месте и в чистом платье

По совершению намаза братья садились всегда в углу мечети, ожидая Танка, который в это время хотя и окончил уже обязательную молитву, но продолжал свои обычные земные поклоны. Кругом факела сидели мечетские послушники – муталимы, имея перед собою раскрытые книги и уча свои уроки... По окончании должных молитв отца вместе с ним все трое отправлялись домой ужинать...

На всю жизнь, юный Магомед, запомнил, передаваемые из века в век, истины стариков. Особым благочестием у горцев считалось и теперь ещё считается:

- *помочь нуждающимся,*
- *накормить путника,*
- *устроить родник,*
- *починить дорогу или мост...*

А для тех, кому это по средствам:

- *построить мечеть,*
- *заложить строительство школы, больницы, или ссудить деньги на другие благородные дела, скажем:*
 - *восстановить пришедшее в упадок кладбище,*
 - *воздвигнуть памятник достойным людям тухума,*
 - *или заказать печатный труд, в котором были бы воспеты героические страницы истории своего народа, или воинские подвиги и славные трудовые дела знаменитых на весь Дагестан земляков.*

А надо заметить, что дороги в горах необычайно трудны и сто лет назад, и сегодня, – извилисты, обрывисты, необычайно узки, порой представляют из себя вбитые на огромной высоте в отвесные скалы брёвна с дощатыми настилами, и надлежащее содержание их было делом весьма нелёгким, а более опасным и рискованным.

* * *

..Магомед придвинул ближе к свету мятый листок бумаги и в сотый раз перечитал письмо из дома, которое получил ещё в июне, почти три месяца назад.

«Ассалам алейкум! Дорогой наш сынок Магомед! День твой да будет светлым, а голова да будет цела и здрава...» Он читал урывками, лишь некоторые места и без того, зная письмо наизусть.

...сообщаем тебе, что мы живы и слава Всевышнему, пока здоровы, чего и тебе и всем твоим джигитам желаем от Милостивого Аллаха нашего... Да продлится ваша жизнь! Да будете вы все невидимы!

...в Ураду вернулся Ахмат, младший сын Тиручило, помнишь, конечно... их сакля, рядом с дедушкой Али, ближе к источнику... Да-дай-ии! Бедный, бедный Ахмат! Вернулся на костылях. Говорит, что правую ногу оставил под Ленинградом... Их полк защищал... ах, голова старая, забыла... какие-то высоты... Уф Алла, мы, как ни пытали у него про тебя, про Гитина-магомед, вай, вай... ничего не могли узнать от него. Говорит, что вы на других фронтах. Так ли, это? Где ты теперь, сынок? Где летаешь, наш беркут?

...Хужа Алла! У нас этим годом полным-полно развелось волков. Со склонов горы Котолгох говорят, другие-с Кахибского перевала... ай-вай, какая разница? Беда. Только у нас двух овец загрызли! Бисмилах... Отец брал лошадь у Хижаловых, трижды ездил с ними на перевал... В последний раз привёз шкуру – баца. Люди хвалили его... говорят вожак... Как дальше будет, не знаем. Иншалла.

...Собирали тебе новую посылку: две пары вязанных из бараньей шерсти носков, бешмет из белого сукна; сушёной сливы и груши из нашего сада, изюм, табак, медный напёрсток, набор иголок, цирюльную бритву и три печатки даргинского мыла. Там же письмо тебе от сестёр. Не знаем, дошла ли до тебя та посылка? Просим не забывать тебя писать нам чаще.

...Сайфулла – мои вторые глаза и ноги. Слава Аллаху, всё делает, помогает. Вай, вай... и всё мечтает, вслед за вами на фронт попасть. Хадижат, Патимат тоже помогают нам, чем могут. Но у них свои семьи, свои и заботы... Верно у нас говорят: «У вороны один глаз – на навоз, другой – на стрелка. У замужней дочери оба глаза на мужа, и лишь третий – на мать».²

...Любим тебя бесконечно. Успевай делать добро. Будь внимателен к людям и помни: добро без возврата не остаётся. Каждый день молимся за вас, вспоминаем и ждём. Да оградит вас Всевышний от гибели! Пусть поглотит земля всех врагов! Да утонут они в собственной крови... Да засохнет их род навеки!»

Затем, как водится, следовали бесчисленные поклоны и добрые пожелания от родственников далёких и близких, от друзей и соседей.

...Он трепетно прижал к губам этот мятый тетрадный листок в клеточку, прижал как реликвию, как святыню. От него неуловимо пахло дорогим Дагестаном, любимой Урадой, родным очагом – матерью и отцом.

Магомед прекрасно знал, да что там – был уверен: родители писали часто, как, впрочем, и он сам. Но война, – перепахавшая всё и вся, бесконечные стены дислокаций войск, перемещения – переезды с места на место, массивные артобстрелы, бомбёжки... – проклятая война уносила, теряла письма солдат и родных, как ураган осенние листья. Потому, заставлял себя и бойцов писать чаще и не отчаиваться, верить и ждать... Ждать и верить. Что полевая почта найдёт своих адресатов. Писал и извинялся в конце за свой почерк. Немудрено, ведь зачастую приходилось писать либо на танковой броне, либо вообще где придётся, положив на колено свой офицерский планшет.

...Прежде чем свернуть письмо, он задержался уставшим взглядом на последних строчках. Они обычно принадлежали отцу. Были по обыкновению суровы, мудры, назидательны.

«Береги фамильную честь, сын. Не забывай, из какого ты рода! Помни, ты горец. Аварец. Гидатлинец из Урады. Будь благороден и смел, как твой прославленный дед – мюршид Гобзало! Помни сын! Мы все стоим на плечах наших предков, смотрим их глазами по-новому на окружающую жизнь, живём на их могилах... И если мы помним о них – они оживают. Знай, их родные зоркие глаза, бесчётное множество глаз, строго смотрят на нас с Неба, с горных

² Т.е. тот, которого нет.

пиков, со скал, из древесных вершин, из придорожных камней, ржанных и пшеничных колосов. Не опозорь себя, сын, ни в их глазах, ни в глазах своих командиров, солдат.

Мудрец и храбрец сохраняют честь аула. После смерти коня, остаётся поле, после смерти героя – имя. Не бойся судьбы! Будь воином. Всегда и везде. «Могила героя не на кладбище», – говорил наш великий имам Шамиль. Да придёт с тобой удача. Аллах да выпрямит твою тропу Победы!»

«Вот уж, правда, – подумал, Магомед – перечитал письмо, будто дома побывал».

...Вагон мерно покачивало. Под стук колёс приходили воображаемые картинки мирной повседневной жизни горцев, которые, хоть на время, да заштриховывали мрачную правду военного бытия...

Глядя на сложенный треугольник истёртого на сгибах письма, он моментальной единой мыслью увидел цветущую, благодатную Гидатлинскую долину, защищённую со всех сторон высокими, неприступными горными кряжами.

...Гидатль в Дагестане – и впрямь, как Шотландия в Великобритании. Со своей древней историей, со своими самобытными, неповторимыми традициями, обычаями и «адатным» правом. Он совершенно не похож ни на одно из шестидесяти вольных обществ – союзов сёл предгорного и горного Дагестана. Такой долины больше нет во всём горном крае.

Гидатлинская долина – одна из самых благоприятных для хозяйственной деятельности человека среди горных долин республики. Здесь тысячи лет назад пролегли пригодные для возделывания террасы и пологие склоны, превосходные пастбища с сочной буйволиной травой, достаточное количество дождей, проливающих в летнее время и мягкий климат в течение всего года.

Здесь нашлось место и диким оленям, круторогим турам, сернам, медведям и волкам, быстрым табунам горских лошадей и тучным стадам домашнего скота. <...>

Здесь на относительно небольшой, по равнинным меркам, территории удивительным образом представлены все характерные для Дагестана природные зоны: горно-долинная, горная и высокогорная. В долине реки Аварское Койсу и её притока выращиваются виноград, персики, гранат, груша, хурма, слива, абрикосы и яблоки; на многочисленных горных террасах без подпорных каменных стен растут и созревают бахчевые и зерновые культуры. По всей долине с давних времён перемежаются сады, сенокосы и пастбища. Здесь каждый клочок земли используется с максимальной выгодой.

За сенокосами начинаются скотоводческие хутора, за ними – вольная лесополоса хвойных и широколиственных пород, следом альпийские пастбища и охотничьи угодья, а ещё выше страна белого безмолвия, царство снежных барсов, орлов и быстроногих туров.

Знаменитая Гидатлинская долина – единственная территория в горном Дагестане, где урожая зерна хватает и для собственного потребления, и для продажи. Слава Небу! Здесь не бывает градобитий и губительных засух. В засушливые годы сюда, с седых времён, за зерном стекались люди разных племён предгорного Дагестана.

Хужа Алла! В народе говорят, что в Гидатле растёт всё. Вплоть до бурок и шуб. И это не просто слова. Они имеют под собой материальную почву.

Гидатль напоминает конфедерацию родственных вольных племён, а более одно большое разросшееся селение. Здесь с незапамятных времён всё общее. Радость и горе, рождение сына, и смерть старика. И хорошее, и плохое гидатлинцы разделяют всем обществом. Родственные и семейно-брачные отношения настолько плотно переплетены, что не найти человека, который не имел бы близких родственников в одном, двух и более селениях Гидатля.

Изолированность от внешнего мира всегда имеет наряду с отрицательными и положительные стороны. Здесь в нетронutom, первозданном виде сохранились древние традиции и

самобытная культура, архитектура и строительные технологии, и многое другое, вплоть до мелочей».³

* * *

...Сложенный треугольник письма покоился на его широкой груди, зажатый меж пальцев, а сам Магомед сладко дремал. Но на самом деле спала и оставалась недвижимой лишь его плоть, а душа – полная сил и эмоций странствовала во времени по аварским горам и тропам...

Он внезапно явственно ощутил, словно руки его превратились в орлиные крылья... Сильный взмах и они, тугие, могучие, оторвали его от земли, стали поднимать по спирали всё выше и выше. И уже с птичьего полёта, ему стало видно, как извивалась под ним слюдяная лента реки Аварское Койсу, похожая на серебряного полоза; увидел он и во всей монументальной красоте благодатную Гидатлинскую долину.

Уо-о-ех-ех-ех!! Захватывающее дух грандиозное зрелище созданное Творцом: из камня, земли, лесов, водопадов, циклопических гор, альпийских лугов, склонов и заснеженных пиков! Увидел и все семь селений – Ураду, Тадиб, Мачаду, Генту, гоор, Хотоду и Кахиб, – из вольных обществ которых 1476 году и возник Гидатлинский союз, как независимая политическая единица, претендующая на равное с Хунзахским княжеством (нуцальством) положение.

...Гидатль и впрямь с головокружительной высоты был похож на какую-то мифическую древнюю цитадель. Это Зальцбург в горах Дагестана, куда никогда не ступала нога неприятеля. Его исключительное стратегическое преимущество, выгодность месторасположения не удалось использовать ни имаму Шамилю, ни позже царским властям, чтобы воздвигнуть там неприступную крепость.

От отца и старожиллов Урады Магомед знал: гидатлинцы не принимали активного участия ни в революциях, ни в Гражданской войне.

Они всегда яростно защищали свою святую землю с оружием в руках и предпочитали смерть позору, никогда не зарились на чужое добро, верили во Всевышнего, жили по законам Шариата и своих знаменитых гидатлинских адатов.

...Он очертил ещё один круг, ещё выше, ещё более обозримый, – любуясь волей и широтой перспектив горной Аварии.

...Его распластанные крылья-руки с непривычки устали, и он стал быстро снижаться к родному орлиному гнезду – Ураде, окутанный золотистым пухом проплывающих над каньонами облаков.

Перья его озарились аметистовой тенью заката. Он уже различал ущелья и скалы, угнездившиеся у их подножий сакли горцев, примечал козы тропы, причудливо петлявшие под ним.

...Вот протянулись в ярких маковых пятнах гранитные стены гор, что надёжно укрывали аул от суровых ветров, тяжёлая хладная тень от них лежала в этот час на улочках и фруктовых садах Урады. Близко увиделась радужная, как павлинье перо, излучина речушки, что бежала по краю аула, в ней – гремливой и пенной играло с быстрой форелью солнце... Сложив огромные крылья, он уместился на одном из уступов скалы, – всё близко, отлично видно до мелочей. Рядом родительский дом. На летней веранде стоят у стены не завязанные холстяные мешки с початками кукурузы, соты которых плотно набиты жёлто-оранжевым спелым зерном, совсем как автоматные магазины – диски патронами, подёрнутые маслянистым гляncем...

Уф Алла! Да это же отец на пыльной улочке возле ворот... Матушка Зайнаб, что-то кричит ему вслед с высокого крыльца. Но Танка не хочет слышать её... Он, ведь, мужчина – папаха на голове и усы – седыми струями вливающиеся в серебряное половодье густой бороды. Он идёт вперёд, громко постукивая по каменистой земле, пастушеским посохом.

...Забавно, жалко, трогательно было глядеть на старого Танка, ошпаренного радостью. Он, потрясая письмом с фронта, письмом, от него, Магомеда, ходил по Ураде, ловил грамотных

³ С. Асиятилов, «Гидатль – талисман мой и совесть моя». Махачкала 2002 г.

и заставлял читать... Нет! Не для себя, а радостью поздней искрился и хвастал старик перед аулом.

– Вах! Я же говорил! Наша танкаевская кровь! Магомед-то мой! Э-э! – Он поднимал посох над лохматой папашой и неистово потрясал им, когда читающий спотыкаясь, по складам, наконец-то добирался до того места, где Магомед, по-военному скуп и сухо сообщал, что был награждён очередным орденом за выполненную задачу по уничтожению бронетехники и живой силы противника.

– Иай! Вторую Красную Звезду изо всего аула имеет! – по-горски шумно и пышно восхищался подвигом сына отец, ревниво отбирал мятое письмо, хоронил его в широкой нарукавный отворот, выдавший виды черкески, и твёрдым шагом шёл дальше в поисках другого грамотея.

Люди искренне радовались за Танка, гордились своим героем – одноаульцем; махали старожилу руками и поддерживали громкими выкриками:

– Ай-е! Поздравляем, уважаемый!

– Знаем, знаем! Иншалла!

– Ва-а! Такими сыновьями гордиться должен не только отец, но и весь аул! Мать храброго не плачет!

– Да будет славен его день возвращения с войны.

– Ай-вай! Сын родится для оружия и славы!

– Пули не берут твоих сыновей, Танка! Удача идёт впереди них, как некогда слава их деда Гобзало, что летела впереди его боевого коня!

– Поздравляю, поздравляю, дорогой... Один мой хороший знакомый ветеринар из Махачкалы... говорил, что читал про подвиг твоего Магомеда в газете, Танка.

– Уф Алла! И в газетах прописано? – давился Танка сухой спазмой от распиравшей его гордости.

– Хлебом клянусь, уважаемый! Есть сообщение! Говорю же, эй... мой хороший знакомый читал...

– Э-э! Почему я не знаю, Гула?! – гневно сверкал глазами отец и грозно хмурил густые брови. Хм! Будет дорога, обязательно сам поеду в Махачкалу, да-а... Заеду к этому «хорошему знакомому». Скажешь, где живёт, Гула?

– Конечно, зачем обижаешь?

– Хо! Договорились, брат... – старики крепко пожали друг другу руки. Танка без лишних слов отсыпал из расшитого бисером кисета душистого табаку соседу и, передавая, сказал:

– Будешь в мечети, помолись за моих сыновей. А честь-то, моему среднему какая!.. Вся Урада гудит, как улей.

– Да что там, весь Гидатль, уважаемый!..

– Вот, вот... Дожил я... – продолжая путь по селению, горячо шептал растроганный Танка, высморкался и раздавил рукавом черкески щекодавную бронзовую слезу.

«...Старею, будто. Слабый на слезу.

«...Старею, будто. Слабый на слезу стал... Заржавел, видно? Годы утекли, как вода... А, ведь, кремнем был раньше... Когда в Грузии на заработках жилы рвал, мешки с мукой по семи пудов таскал... Ва! Какие камни ворочал, а теперь? Покосила старость... Обскакали меня сыновья.

Он пылил по петлявшей улочке, прижимая к груди дорогое сыновье письмо, а мысль опять, как жаворонок над лугом, вилась вокруг Магомеда, набредали на память старые слова, сказанные в адрес его сына...

Глава 3

...Колёса эшелона, идущего в Сталинград, продолжали железисто чакать и лязгать на стыках рельс, баюкали уснувшие в тяжёлом забытьи батальоны, а чутко дремлющее сознание комбата Танкаева, продолжало воспроизводить забытые сюжеты из босоного детства.. Лёгкая улыбка тронула твёрдую складку, и тут!..

Сквозь млечное забытьё ему показалось: через кольчужный стук колёс – он слышит рёв мощных моторов. В следующий миг он полностью пропал. Как вдруг – вагон шарахнуло с невероятной силищей вперёд, потом назад. Вновь шибануло... Тр-реск, крик-мат, визг-скрежет стали по рельсам – всё полетело к чёртовой матери вверх дном!! Из предрассветной сукрови взвился чей-то дикий крик:

– Не-е-е-ет!!! – и тут же канул в новом, надсадно ухнувшем раскате взрыва. Бойцы в вагонах, будто в братских могилах, сорванные с полок, с разбитыми – раздавленными лицами, на карачках, на животах, на четвереньках, на задницах и локтях, в безумном ужасе и давке, бились, изворачивались, ползли к выходу. Рвали исподнее, галифе, гимнастёрки о торчащее всюду шепьё, вырванные из переборок шурупы, и скобы.

...Двое от тамбура волокли за собою третьего, который был уже мёртв. Осколок фугаса величиной с арбузную корку, срубил сержанту пол головы наискосок, по левую бровь. Потом остался в живых один ефрейтор, и он судорожно отпихивал от себя сапогами двух мертвецов, а те, зацепившись за него перекрученными лямками вещмешков, волочились, мёртво бились головами о вагонные доски, переваливались друг через друга, – и вдруг, после очередного взрыва, враз все стали покойны и недвижимы.

...Разбитый фонарь пропитал маслом ляжку убитого политрука Хромова и она, от паха до обреза сапога пылала, как факел, наполняя душный вагон тошнотворным запахом горелого мяса...

...Снова режущий, сверлящий сводящий с ума, рёв пикирующих «юнкерсов» над эшелон и снова ошеломляющие, вгоняющие в ступор, раскаты грома. Казалось, весь мир трещал и рушился, как взорванная динамитом горная гряда.

Вновь со скрежетом каменной плиты о каменную плиту затряслись, захохотали вагоны.

Майор Танкаев, как и другие, сорванный с лежака, оглушённый бомбёжкой, прижался спиной к дощатой переборке, чувствовал крупную вибрацию вагона, больно отдававшуюся в ушибленном колене. Внезапно, перед ним, над телами убитых и раненых, показалась голова бойца Тищенко с красными безумными глазами и широко оскаленным ртом, только намекающим на какой-то страшный раздирающий душу крик, как эшелон сотрясся, словно смертельно раненный зверь и замер.

Оставшиеся в живых, хватая оружие, боеприпасы, вещмешки, сапоги, орущим-хрипящим валом ринулись наружу.

...Отовсюду снизу тянулись руки, и пальцы на них судорожно сокращались, хватая всё, и кто попадал в эту западню, тот уже не мог выбраться назад.

Многие, как пьяные, бежали из этого ада прямо по разбросанным телам своих товарищей и обрывались ворохом гимнастёрок, касок и шинельных скаток за распахнутым настежь дверным проёмом. В клокочущей волне, вместе с другими, комбат Танкаев спрыгнул на гремящий, осыпающийся ручьями щебень.

... Мгновенным распахнувшимся от ужаса сознанием понял и оценил случившуюся катастрофу. Такое уже с ним было не раз. Последний, – когда они положили едва ли ни весь полк, насмерть удерживая Шиловский плацдарм – господствующую высоту 178,0.

Теперь история повторялась. Только если там, был неравный кровавый бой, то тут была кровавая бойня!

Она стремительно расширялась, взрывчато охватывая весь эшелон, расшвыривала его роты и батальоны по земляному откосу, ржавым от крови холмам – оврагам, где лопались красные язвы авиабомб.

...Отчаянье командира Танкаева было от бессилия, от невозможности удержать на месте свой батальон, размещённый в шести вагонах, вонзить в него острые, как кинжал, команды, пригвоздить к спасительной кромке железнодорожного полотна, остановить обезумевших людей. С командирским ТТ на «шлейке», он стрелял над головами бегущих, дико озирался, разбрасывал руки, ярó хватал за грудки солдат, грозил расстрелом на месте; прижимал к себе одного, другого, пятого...словно хотел сгрести своих гибнущих солдат, заслонить от пожиравшей их мясорубки...

И вдруг... Чавкающий кровью ужас замер, будто взял передышку. Две тройки «юнкеров», как коршуны, наевшиеся до отвала, исчезли. Вдалеке над мерцающей Волгой жутко вспыхнули зарницы молний. Распустила стылые щупальца гнетущая тишина. Полная тишина, не прерываемая даже стонами умирающих. Словно весь мир замер в неподвижности, в ожидании какого-то жуткого действия.

Предрассветный мгlistый занавес внезапно озарился по-первости робким восходом. Далёкие всполохи молний пронзали горизонт на юго-востоке, и в свете их ясно читался откровенный страх, написанный на лицах замерших бойцов.

...Охваченный странным, непостижимым волнением, впрочем, как все остальные, выпавшие из разбитых вагонов, Магомед смотрел во вспыхнувшее алыми перьями небо. Впереди на холмистой равнине траурно, словно вырезанная из дымчатого велюра, темнела уходящая под косогор роща, и сквозь полуоголённые ветви деревьев красным углём пылало округлое взлобье восходящего солнца. Оно зажигало на востоке воздух и весь его превращало в огненную золотистую пыль. И так близко, и так ярко, казалось, был лик древнего светила, что всё кругом, словно исчезло, а оно одно оставалось, окрашивало волжские холмистые дали и ровняло их. Где-то за версту или две алый восход выхватил сожжённую мельницу и обгорелый остов её горел чёрным рубином среди порыжелых осенних трав, как свеча в тёмной келье; багровым налётом покрылся впереди извилистый измолотый гусеницами немецких танков и самоходок, истолчённый сотнями тысяч фашистских сапог шлях, на котором теперь хорошо читался каждый камень, выбоина или подбитая, искорёженная машина, отбрасывающая длинную тень...Да золотисто-красными ореолами светились окаёмы касок застывших бойцов – командиров, их грани штыков, волосы и усы, пронизанные лучами нарождавшегося солнца.

Но война не родная тётка! Дело хлопотливое – роковое. Обув свои чувства, выхватив взглядом из застывших толп взводных и ротных, комбат Танкаев, со свойственной ему решимостью перехватил инициативу. Окружённый, подбежавшими командирами, понукая их короткими, похожими на рыканье окриками, он сурово и зло на корню пресёк панику, призвал солдат к дисциплине, а затем, через командиров отдал приказ о немедленной выгрузке орудий и боеприпасов.

– Всем окопаться!! По ноздри! По самое не хочу-у!!

И вот уже нет больше животного ужаса, ни лихорадочной тряски в руках, ни усталости. Мысли бойцов – командиров вновь стали ясны, представления отчётливы и резки.

Сам он ни секунды не стоял на месте – весь движение – сгусток мышц и энергии! Живо ходил от роты к роте, от взвода к взводу, поправлял младших командиров, отдавал быстрые-чёткие распоряжения; глядел в лица воинов и тайно радовался в душе, что снова зрит среди них знакомые, смелые лица. А, ведь, ещё минуту назад, он тщетно искал в этой толпе ошарашенных, обезумевших людей знакомые лица... и чёрта-с-два мог найти.

...Казалось: его бойцы, не были его бойцами! Их голоса звучали совсем по-иному, отрывисто, толчками, переходя в блаженной ор или пугающий своим безумством, неудержимый смех. И всё, решительно всё, ещё три-пять минут назад, было другим и чужим. Проломленные

вагоны – чужие, багровый восход – чужой... И вода во фляжках – чужая, с особым запахом и вкусом, ровно вместе со всеми погибшими, живые оставили землю и перешли в какой-то другой мир – мир таинственных явлений и зловещих пасмурных теней...

«Уф Алла... Слава Всевышнему, весь этот кошмар позади»...Переходя от вагона к вагону, он тут и там видел запыхавшиеся, живые, просветлевшие и, как будто даже радостные лица; слышал хриплые, но бодрые-громкие голоса, твёрдые приказы офицеров, старшин...и шутки – обычные солдатские, матерные, солёные, весёлые, но шутки!

«А это значит, – жив батальон! Значит хер вам рыжие псы, а не Сталинград! Мы ещё повоюем! Козёл девять раз проскочил в Мекку, ан на десятый к волку в пасть угодил».

...Далеко впереди Магомед приметил: на телеге погоняли лошадь мужик и две бабы. Они видели густые толпы солдат, – дымившийся эшелон, краснозвёздный паровоз которого был оторван – отброшен от состава ударной волной и лежал на боку в степи, выставив напоказ миру свои перекошенные железные диски колёс, смятую в гармошку трубу и кабину машиниста. Видя всё это, беженцы на миг натянули вожжи, но, не признав «своих», принялись бить лошадь и понеслись прочь. Телега со скарбом и бабами подпрыгивала на колеях; двумя колёсами поднималась на воздух, теряя узлы, но трое молчаливых, пригнувшихся к возку людей, охваченных ужасом, продолжали настёгивать мосластую кобылу – и неслись прочь на восток, к широкому изгибу Волги.

* * *

Великое солнце меж тем полностью показало из-за горизонта свой затянутый чёрно-сизыми дымами лик.

...глазам стало больно, люди обернулись назад, и сразу перед поредевшим полком всё потухло...Стало мертвенно-недвижимым, гнетущим, отчётливым и суровым. Свет погас, тени умерли и всё кругом стало бледным, немым, безжизненным, будто подёрнутым не то белёсой серой золой, не то тусклым серебром пепла.

– Танкаев! Мишка-а! Да стой же, чёрт! Как у тебя?!

– Не слаще, чем у тебя. На одной «свадьбе» гуляем, брат. До роты убитыми...Столько же раненых...

Замполит Хромов погиб...На моих глазах.

– Да, ты что-о?.. А-айй! – Арсений Иванович крутнулся на месте, сорвал в сердцах фуражку с головы, крупное лицо исказила судорога. Чёрт, чёрт, чёрт! Какого человека потеряли, майор. Отличный мужик был...политрук! Двое ребятишек у него в Ростове осталось...Вечная память..Э-э-эхх! Да-а, Миша хреново дело...И связи с комдивом Березиным – шиш! Радисты сухотятся...да толку пока – рубль двадцать...Скажи на милость, ну, что за непруха! Из огня да в полымя! Орудия...как у тебя, – целы?

– Аллах милостив, – комбат Танкаев нервно дёрнул впалой щекой, – целы, Арсэний Иванович.

– Ну, это уже полдела, – Воронов сплюнул под ноги спёкшуюся слюну. – А у меня два орудия вдрызг...вместе с расчётами.

Танкаев посмотрел на старшего друга. Тот стоял распаренный, красный от бега, с тяжёлым взором, с жёсткой щёткой усов. Было видно: он испытывал сильное страдание, которое пытался скрыть. Всасывал воздух сквозь прокуренные зубы; весь вид его выражал страдание. Танкаев прекрасно понимал природу страдания. Оно охватывало его самого, превращало ещё недавнюю радость в невыносимую боль.

– Курвы крестовые! Поди ж ты! Как камни с неба...житья от вас нет...Убивать их, блядей! – сипло и сорвано, почти шёпотом, проклокотал Арсений. – Стрелять, душить буду гадов...своими руками! Поклялся и клятву сдержу! – На подрагивающих очугунелых скулах отчётливо проступили следы былых рубцов и царапин.

Магомед слушал его, вспоминая отгремевшие бои... Заснеженные поля под Москвой... Зверский холод... Бесконечные застывшие в лёд, скорченные трупы женщин, детей, стариков и чёрные остовы деревенских изб – сожжённых фашистами; бесчисленные, как клубки перекасти поля, гонимые ветром и стужей толпы затравленных беженцев... Сквозь сухие колючие травы, летящий снег и песок... Далёкое-близкое ртутное пламя разрывов, огненные мётлы огня; вбивающий в мёрзлую землю рокот и гром, отлетающий затем в стылую даль от кровавых сырых траншей и мёртвых, стонущих тел...

– Там Сталинград! – Арсений Иванович широко выбросил руку вперёд. – Дай Бог повежёт, к вечеру доберёмся, а джигит?

– Так точно, товарищ майор. С ранеными раньше нэ получится. Хорошо бы вперёд разведку выслать... – Танкаев сверкнул из-под чёрной арки бровей яркими коньячными глазами.

– Хмм! А начальник полковой разведки на кой?..

– Капитан Ледвиг?

– А то! Он – молодец, уже отправил своих орлов на три стороны, будь покоен, – едко хохотнул Иваныч, но тут же примолк, куснул ус и, цепко щупая глазами окрест, добавил:

– Да вот только ни в ворожбу, ни в вороний грай, ни в случай – я не верю... Как и в то, что немец нам даст у костерка с кипятком сухарь погрызть.

Арсений Иванович умолк, нахохлился вороном, наблюдая, как живо, с надсадной проворностью стрелки и артиллеристы управляют с поставленной задачей.

Комбат Танкаев снедаемый лихорадкой нетерпения припал к биноклю; увидел в окружье чуть запылённых линз далеко лежащий вдоль реки город. В нём не было ни электрических огней, ни проблесков световых маяков, ни стёкол, в которых бы отражалось небо и облака... Вай-ме! Это был мёртвый город. Жуткий, безглазый, объятый чёрными – седыми дымами пожарами. Город, глядя на который на ум приходили страшные мысли о конце мира... Город над коим распростёрлись перепончатые крылья Зла, оно избивало, уничтожало безвинное, мирное человечество. Зло, поднявшееся из устрашающих глубин чёрной оккультной бездны... Казалось, огромная свирепая крылатая гарпия упала на обречённый город, впившись стальными когтями в опалённую землю, щёлкала хищным клювом, ошестинившись острыми, как пики, шипами, свила тугими кольцами чешуйчатый хвост. И вот теперь это чудище расклёвывало его на куски, дробило в нём кости, вытаскивало из него кишки, вырывало глаза, склёвывало кожу – мякоть с лица, драло волокна и жилы, срубало железным клювом хрящи и жадно сглатывало кровавые шматы парного мяса... Прыгая когтистыми лапами на груди города, от головы к ногам и обратно, Зло шаг за шагом, умерщвляло каждую живую частицу.

Но город имени Сталина не был мёртв!

С безумством храбрых, он яростно, бешено сопротивлялся ударам этой стальной безжалостной стервы.

Битва шла не то что за каждый жилой район Сталинграда, за каждую улицу, дом... Смертельная схватка – шла за каждый этаж, каждый лестничный марш, за каждую квартиру, подвал и чердак, за каждый метр в этом подвале или чердаке... За каждую пядь сталинградской земли!

... Штабы полков и дивизий, тыловые службы, управления военной разведки и связи, продуктовые склады, амбары, солдатские землянки, командные блиндажи, окопы – траншеи, доты и дзоты, укывища и заставы, посты и снайперские гнёзда – всё было невообразимо перемешено, жестоко сбито, сплющено, – перекручено в стальной нераспутный узел и тонуло в липком пламени, крови, грязи, через которые под яростным огнём продиралась дымная бронетехника и пехота, лошади и ревущие грузовики, продавливая ребристую колею... клетчатый – бубновый оттиск гусениц – шин которых в синей грязи медленно, но верно заплывал красным гранатом солдатской крови...

Майор Танкаев, не отдирая от глаз бинокля, продолжал скользить по корявой полосе городских руин, по косматым дымам, что непроглядной тьмою поднимались к небу, и вдруг взволнованно зыркнул:

– Иваныч-ч! Но, ведь, стоят наши! Иай, как львы...насмёрть стоят!

– А ну-к дай, глянуть! Я гадство свой у ординарца забыл.

Магомед перекинул ремешок через голову, протянул массивный полевой бинокль Арсению:

– От Волги, левее бери, там обзор лучше...

– Разберусь...О-ох ты-ы, холера ясная! – набрякшее кровью лицо Воронова, будто одеревенело.

Теперь и он видел объятый огнём и дымом героический город. Небо от Волги до горизонта на юго-западе было охвачено огнём. В нём клубились и дико метались разорванные тучи и всюю гигантскою массою своею рушились на потрясённую обугленную землю.

– Твою мать! Твою мать...И верно...в самых основах своих рушится мир... – вырывалось из груди выдавшего виды комбата. – Это ж, какие силищи...стянуты туда?! Ёо-моё...Миша, брат ты мой дорогой...

Он продолжал смотреть, затаив дыхание, лишь судорожно, будто пил воду, дёргая кадыком и время от времени облизывал кончиком языка пересохшие губы.

...Там и впрямь рушился мир. И оттуда, из огненного клубящегося хаоса, казалось, нёсся жуткий дьявольский хохот, треск лопающегося дерева, камня, скрежет металла, громоподобные залпы тысяч орудий и яростный рёв диких атак.

Внезапно, оба комбата, удивлённые горячим обсуждением сложившегося, будто напоролась на стену из тишины. С невольным беспокойством обернулись.

...Солнце точно взобралось выше, что бы не мешать, потускнело, сделалось жёлтым, как латунь и холодным. Над ним тяжело висели чёрные, ничем не освещённые, неподвижные тучи, и земля под ним была темна, и лица, застывших у эшелона бойцов в этом зловещем свете были желты, как лица мертвецов.

...Все взгляды, как один, были устремлены на небо. Оно тоже будто потухло, отражая на своём дуговатом своде желтизну и угрозу притихшего солнца и тоже стало чужим, мёртвым и непонятным.

И в следующий миг далёкая, бухающая, словно океанский прибой канонада на время утихла. Безбрежные волжские дали погрузились в полнейшее безмолвие. Безмолвие могилы.

– Час от часу не легче! Это, что ещё...за еть твою мать? Не нравится мне всё это... – судорожно хрустнул мослаками пальцев Арсений Иванович и зло выругался, продолжая, вместе с другими, шарить накалённым взглядом по угрюмому небу. И видит Бог, все ощутили гнетущее странное чувство: будто собрались они на печальное, скорбное торжество, на котором среди гостей присутствовали тени умерших.

...Могомед бросил молниеносный взор на окопавшихся у «железки» солдат и только теперь сообразил, отчего по коже у него вдруг забегали мурашки.

Хоть убей, – он снова почти не находил знакомых, уверенных лиц. Те же зелёные новобранцы...Те же зелёные новобранцы...Те же желторотые лейтенанты после ускоренных военных курсов...Но теперь беспокойные, с дёрганнами, рваными движениями, вздрагивавшие при каждом стуке, постоянно ищущие чего-то позади себя, старавшиеся избытком жестов-гримас заполнить ту пугающую, гипнотическую пустоту, куда им жутко заглянуть, – были большинством новые, чужие люди, которых он не знал. Будто и не было у него прежде с ними ни изнурительной боевой подготовки на огневых полигонах, ни бесед по душам, что способствовали укреплению морально духа воинов, их высокому наступательному и патриотическому подъёму...

«Вот, что значит не обстрелянные...не обожжённые в бою. Не батальон, а отара овец, будь я пр-роклят...Ай-е! У Хромца и тень хромая. А ты то, сам, на что?! – точно ножом поло-санул внутренний голос. – Не отведав, не узнать хлеба, не проверив не узнать человека. Будь примером для них! Будь для этих юнцов старшим братом, отцом! Покажи свои командирские качества, мужество и отвагу! Чему тебя научила война...»

...Он и сам-то был молод, всего двумя-тремя годами старше, но по себе знал...На войне год за три, а то и за пять идёт...Знал, что боевые командиры, для вновь прибывавших на фронт, – если были смелы, имели железную волю, душевное тепло к солдату, а ещё ордена-медали за доблесть и мужество, – то автоматически они становились для бойцов – примером для подражания.

Хо! Он сам был счастлив, что ему с первых дней войны довелось служить под началом таких отцов – командиров. Которых, прежде всего, отличала большая человечность, высокие командирские качества, способность успешно решать боевые задачи. Словом, с которых едва ли ни во всём хотелось брать пример!

Вооружённый таким внутренним посылом, он хотел уже от слов перейти к делу, как вдруг...словно чья-то сильная, невидимая рука властно остановила его на месте.

Он был готов поклясться: за два года войны-повидал многое, даже слишком...но такое... Он и впрямь видел впервые.

Глава 4

... Сначала они почувствовали хруст песчинок на зубах – песок находил путь в вагоны, через щели в досках, в кабины машин и бойницы бронетехники. Сила и направление ветра, с леденящей кровью быстротой, менялись.

– Эй, братцы, да что же это? – из-за земляного бруствера раздался чей-то голос, в котором ясно слышался страх. – как есть холера нечистая, аа?

– А ты, Сметана, к комиссару полка сбегай – нервно гоготнули у оружейного лафете. – Он тебе зараз пистон вставит...

– И от «нечистой», и от прочей хрени! Аха-ха...

– Рыбаков! Сметанин! Разговорчики! – лающий окрик старшины Петренко пресёк болтунов.

Но сам он ощутил, как у него мозжит между зубами и мелко дрожат пальцы. Старый солдат Василич вслушался в свист ветродуя, мчавшего по холмам пыль, рвущего брезент маскировочных тентов, парусившего плащ-палатки бойцов. Вид у неба был странный, зловеще предвещавший не то бурю, не то ураган. Он, сибиряк, родом из Тобольска, отломавший шестой десяток, никогда раньше не видел такого пугающего неба и суеверно шептал обрывки молитв.

... порыв ветра едва не сбил его с ног, заставил присесть у цинков с патронами. Он почувствовал, как треклятый песок царапает кожу лица, сечёт каску, забивается в складки х/б.

– Язвить тебя в душу, поганца... И без тебя тошно, будь ты не ладен...

Дядька Митяй, прижимая к груди ноздрятый ствол ППШ, ещё ниже пригнулся к земле, не в силах унять сыпкую дрожь пальцев, пронизываемый стыдом.

* * *

Танкаев раздражённо скользнул глазами по тусклой полуде неба. В дрожащих от напряжения зрачках отразился латунный свод, по которому ползли тёмные груды облаков, шаг за шагом пожирая пространство. Тучи клубились, тёрлись боками, медленно и тяжело меняли очертания разбуженных чудовищ и неохотно продвигались вперёд, точно их самих, против воли, гнала какая-то фатальная, страшная сила.

Свет дня приобрёл тёмно-жёлтый мутный оттенок, словно моча в отхожем ведре после ночи пьянки.

Чу! Ветер так же внезапно, как начался, прекратился. Редкие деревья, полуразбитые вагоны, стояли абсолютно неподвижно. «Как в горах... перед сходом лавины... – подумал Магомед. – Ложная тишина, опасная... точно в зимнем ущелье». Интуиция горца, какое-то волчье чутьё, подсказывало: что-то неимоверно мощное, огромное накатывалось с северо-запада, чтобы заполнить эту вакуумную пустоту!

... Комбат Воронов с тревогой посмотрел по сторонам.

«Что б тебе, на штыке торчать!» Теперь и он, и комбат Танкаев, и другие командиры, замеревшие в оцепенении вместе со своими бойцами, видели его... Этого Дьявола пылевых бурь, – жёлто-бурую волну, мчавшуюся по косой, закрывавшую весь западный горизонт, но продолжавшую надвигаться в полной гнетущей тишине.

«Разбуженный Шайтан природы... – тупо стучало в висках Танкаева. – Кто его потревожил? Кто разбудил? Дэлль мостугай! Во всяком случае... воздушная волна, накатившая первой, похоже, растянулась на многие километры. – Да-дай-и! Вот уж в десятку: «Не верь тишине перевала, смеху женщины и улыбке хана»».

По самым скромным его прикидкам глубина второй идущей волны бури достигала самое малое 20-30 километров. «Скорость? – мозг Магомеда с трудом цеплялся за горский опыт, как за последний оплот трезвого мышления. – Похоже, 40-50 километров»...

Казалось, сама Волжская степь из края в край взлетела в небо и покатила на Сталинград волной смешанного буро-красно-жёлтого цвета.

«И всё же кто... её разбудил? Кто поднял на дыбы и пустил в скач?!» – не желая верить в очевидное, твердил ошеломлённый разум.

...Заворожённые, они смотрели, как катится волна, грозившая погребсти и их, в том числе под толщей пыли, песка и земли. В следующее мгновение полк услышал тонкое гремящее шипение. Это колючая пыль, как наждак, сдирала кору и листья с деревьев.

Магомед знал не понаслышке, что такое песчаные бури. В Дагестане, особенно низменном, в кумыских пустынях, они не редкость. Знал и то, что после такой волны, – земля будет голой, как кость.

Со змеиным шорохом сыпался песок на стоявший неподалёку комбатский «виллис», засыпая его открытый салон, проникая в щелястую решётку его радиатора.

– Осинцев! – гневно крикнул своему новоиспечённому водителю Танкаев.

– Я, товарищ майор! – громко отзвался тот, укрываясь рукой от пыли.

– Какого... клювом щёлкаеш-ш! Нэмэдя отгони машину за холм. Зачехли мотор!

– Есть! – гаркнул Лёшка Осинцев и, прыгнув козлом за руль, утопил ногой педаль газа.

– Товарищ майор! Товарищ комбат! Солдаты... Прикажите... – глаза, подбежавшего взводного лейтенанта Санько едва не выскакивали из орбит. Паника его дошла до предела, когда он услышал хрясткие поскрипывания всех деревянных сочленений огромного эшелона, редких деревьев, кустов, которыми была небогата волжская степь. Казалось, костоправом ставились на место вывернутые из суставов мослы.

– Да, что же это, товарищ комбат? – поправляя запылённые круглые очки, почти, как ребёнок, прохныкал он. И с трудом, сдерживая отчаяние, ища сочувствия и заступничества в сём переплёте у командира, выдохнул стенающим шёпотом:

– Делать-то что... прикажете, Магомед Танкаевич?... Жуть-то какая!

На секунду Танкаев потерял дар речи от такой гражданской непосредственности взводного. Точно этот вопрос – просьба обращён был к нему не на войне, у разбитого бомбёжкой эшелона, а в совхозном правлении плодово-ягодного питомника в безмятежное, мирное время...

В следующий миг, дрожа от гнева и возмущения всем существом, он вспыхнул, как порох:

– Мне что-о, лейтенант! С тобой вместе набоятца и поплакат, пр-прикажэш-ш? Э-э, а, может, в сэлпо за конфэтами сбегат?!

В голосе комбата гремела сталь, в аварских глазах дёргалось лиловое пламя. Слова командира обрушивались на лейтенанта Санько, как удары кнута:

– Ты, ещё немца не видэл, лейтенант, а уже в штаны наложил! Хвост поджал и в кусты?!

– Виноват, товарищ комбат! Исправлюсь... честное комсомольское... – ни жив. Ни мёртв, боязливо щурясь из-под роговых очков выпалил взводный второй роты. Разрешайте...

– Бэгом к своему взводу, лейтенант! Там вытэрай сопли, если нэ боиш-шса насмешек своих солдат! Иай, офицэр-р или ба-ба, ты?

– Так точно!

– Пр-роч-ч с глаз!

– Есть! – словно унесённый ветром, Санько тут же исчез.

– Скажи на милость, как ты его под орех разделал... Весело живёте! А ещё дивишься, что солдаты в полку тебя «Абреком» кличут. Гордись! Метко! – подмигнул Воронов.

– И вот таких... – Магомед раздул крылья ноздрей, – у меня больше половины, Арсений Иванович. Комсомолец – доброволец... Взвэйтесь – развэйтесь... Вах! Как с такими... нэмца бит, да-а?

– Как прежде, брат. Думаешь, у меня краше? Отнюдь, та же крошка. Не горюй, Миша! Лиха беда начало. Главное мы у них есть. Били и будем бить фашистскую сволочь! А этот, – Иваныч кивнул в сторону истаявшего Санько, и по-отцовски усмехнулся в кулак – Ботаник, к гадалке не ходи. На гражданке, поди-ж то, и клопа не раздавил? Ещё мамкиными пирожками срёт. Ничего: пули причешут, в кирзе да в борозде, задубеет. Выкуешь, ещё из него красного революционного командира. Не впервой, майор, пр-рорвёмся. Эх, нервы, нервы... А война – сука грёбаная, не любит горячих да нервных... Мотай на ус, джигит. На войне, сам знаешь, мёртвых не надо бояться... А в живых следует побеждать. Ну, как-то вот так...

Ободряя Танкаева, Воронов не спускал глаз с окопавшихся батальонов, спешно занявших оборону в шесть километров вдоль раскученного железнодорожного полотна, затем кинул быстрый взгляд на небо, увидел, как щупальца струй несущегося песка перебрасываются через самые высокие тополя. Услышал, как с треском отломился большой сук и был унесён прочь. Взвар из песка и суглинка теперь сыпал, подобно снегу, покрывая голую череду холмов.

– Тетери-ин! Ну, что-о... есть контакт?! – рявкнул он, махая фуражкой, показавшемуся у штабного вагона радисту.

В ответ послышался нечленораздельный крик, безнадежно сносимый ветром. Потом сержант поднял над каской скрещенные руки.

– Понятно. Полная задница... – выругался Иваныч; срывая злость, пнул горький полынный куст, снова выругался. Отчаянность положения, душила не хуже пегли.

...теперь в порожних вагонах что-то бешено завывало, громко трещало дерево обшивки, будто в них бесновались демоны...

– Вот дерьмо! Ну и ну... Чёрт знает, что творится! Опять что-то удумали фрицы. Те ещё компрачкосы⁴ хреновы... Каморра⁵ гитлеровская... И погодка, мать её в глотку, им в помощь...

– Кто-кто?? – Магомед свёл брови. – «Компра... ча... козы»?...

– Живы будем, расскажу, – натягивая ту же фуражку, пообещал Арсений Иванович и, схаркивая песок, мрачно добавил:

– А дело и впрямь дерьмо, Миша...

Но деятельный майор Танкаев уже не слышал.

– Всем укрыться! Быть начеку-у! – перекрикивая перебранку стрелков и разбойный свист ветра летел поротно, подхваченный младшими командирами, приказ комбата Танкаева. Времени было в обрез.

– Иваныч-ч! Сюда! – Магомед длинным прыжком сиганул в овраг, затянутый мохрами бурьяна. Следом за ним тяжело сорвался Арсений.

Они видели, как грязно-жёлтая пелена проглотила покосившиеся телеграфные столбы с порванными проводами, словно те были сожраны кровожадным зверем. Небо стало, как жжённый янтарь с красным и мутным бельмом посередине.

...горячий звенящий воздух, будто кулаком, вдарил по лицам – дышать стало невмоготу. По всему хрустел песок с землёй, взвиваясь бесовскими спиралями в три раза выше всадника. Ветровые стёкла «трёхтонок» были покрыты тонким слоем песка. И тут они услышали первые раскаты грома и ощутили сокрушительный удар волны, зашатавший борта вагонов, как гнилой штакетник. Дощатый с домик стрелочника, что прилепился у железнодорожного полотна, брошенный с приходом гитлеровцев, задрожал, будто больной в лихорадке. Синяя краска с него была содрана в считанные секунды, а чуть погодя он провалился в себя самого, и сложился

⁴ В старину – грязные дельцы, похищавшие или покупавшие детей и уродовавшие их для продажи в качестве шутов-уродцев в богатые дома или балаганы для потехи господ. (исп.)

⁵ Существовавшее в Неаполе в 16-19 вв. общество уголовных элементов, занимавшихся тайными убийствами, бандитизмом и т.п. Каморра пользовалась негласной поддержкой правительства, которому поставляла шпионов, клеветников и палачей. (итал.)

пополам под следующим ударом урагана... Иваныч что-то кричал ему, как в немом кино... Но тут же оставил эту затею. Песок ослепил его, а когда он открыл рот, чтобы вскрикнуть от боли, песок прорвался в лёгкие, едва не задушив до смерти.

...Оба ужались в землю, прикрывая глаза и рот ладонью, чтобы не ослепнуть и окончательно не задохнуться. Воздух стал спёртым до невозможности. И почти одновременно они почувствовали присутствие Смерти – каждый раз, когда, вдыхали новую порцию пыли-песка, это чувство росло и усиливалось.

«Твою мать!..– теперь они сопели сквозь ткань рукавов гимнастёрки. – Неужели такой бездарный конец?..» «Благо успели грузовики и орудия брезентом укрыть, – мелькнуло в голове Магомеда. – Не сделай этого...В моторах и стволах сейчас было бы столько песка, что и верблюды бы протянули ноги...»

Ураган сёк и утюжил их в дьявольском танце не меньше четверти часа... А потом, бросив, как рваную ветошь, помчался к Волге, оставляя позади исцарапанное железо, ошкуренные до голой древесины вагоны, и людей в дюнах песка и суглинка. Как и рвущиеся к Сталинграду фашисты, которым он был повсему на руку, песчаный смерч был ненасытен.

* * *

– Проклятье! Скажи на милость, помойные коты и то чище...Тьфу, срамота! Не командиры, а земляные кроты...Ну, и видок у тебя, Танкаев...в гроб краше кладут...– скрипел зубами Арсений Иванович. Через бурю, вынырнув в душе ненависть к фрицам до белого каления, комбат Воронов, словно после контузии, остервенело соскребал железными пальцами наждачную корку песка на лице, усах и мундире; как веником, оббивал вырванным, сложенным вдвое кустом, седые голенища сапог, протирал офицерскую сумку и, посверкивая злыми впрозелень глазами, рычал:

– Не-е-ет, шали-и-ишь, ганс! Нас на испуг, хер возмёшь...Скоро и мы резать вам жилы будем! Мало на вас сволочей одной Москвы...Добро! Будет вам Сталинград с повидлом...Дайте срок покви-таемся, мать вашу в душу!.. – Он грозил костистым, шишковатым кулаком и плечами поправлял резавшую подмышками перекрученную гимнастёрку.

– Ладно, бывай. Верю в твою звезду, герой, – они крепко обнялись.– Действуй по обстановке. Связь через посыльных, пока телефонисты провод не бросят. Я к своим «на раскопки»». Будь здоров! Не слышу нашего «окопного»!

– Сам нэ сдохни! И чтоб всё пули мимо, брат! – Магомед дружески оскалил белые зубы, махнул рукой.

Но тут...их ноги, будто приросли к земле, а не видимая сила пригнула к земле.

* * *

Сердце бухнуло по рёбрам. Глаза отказывались верить увиденному...

Над головами окопавшегося 472 стрелкового полка чёрная клубящаяся туча бросала вперёд три длинные отростка, как три хищно загнутых орлиных когтя; сзади что-то глухо и грозиво рокотало, наполняя воздух и землю всепожирающим вязким гудом, будто реально, в самых основах своих рушилось мироздание. Седая, потемневшая степь подчёркнуто стала безлюдной, как ночью – ни одного огонька, ни одного живого существа: ни зверя, ни птицы.

«Всё умерло...Кануло в бездну!..» – мелькнула последняя мысль. И тут из опаловых туч показались они! Будто железные клювастые птицы, покидавшие свои укывища, вылетевшие в поисках новой добычи.

– Десять,..тридцать...пятьдесят...Сто-о! – на лице Арсения Иваныча глубже пролегли траншеи морщин. Пальцы скребли по гляцевитой кобуре, с поддрагивающего подбородка срывались капли пота, глаза превратились в тёмные круги, взгляд был совершенно безумен.

...Десятки, сотни штурмовиков, пикирующих бомбардировщиков, истребителей Люфтваффе многоярусным потоком, на разных высотах продолжали выныривать из клубящегося водоворота туч и ровным счётом, не обращая внимания на окопавшиеся батальоны,

словно это были не бойцы Красной Армии, а ничтожные моли, укравшиеся в складках земли, – уносились к дымам Сталинграда, скрывались в непроглядных далях, а на смену им вырывались из туч всё новые и новые «хейнкели», «юнкерсы», мессершмитты» и «фокке-вульфы». «Орлиная атака» на Сталинград повторяла грандиозную атаку на Лондон, предпринятую Гитлером ещё в 40-м году.

* * *

– Сто двадцать...сто сорок...сто шестьдесят...Двести!..

Рот комбата Танкаева, точно полосу металла, повела судорога, но он не произнёс ни звука. В блестящих глазах отражалась черно-белая рябь тевтонских крестов. Он насилу перевёл взгляд в сторону, даже мышцы шеи внезапно пронзила судорога, будто кто-то чиркнул пилой по дроглым ветвям упрямой чинары. Ему тошно было вновь поднимать глаза на гудевшее моторами небо, но когда он всё же взглянул, ему почудилось, что в центре перекипавших дымных туч, над распятой волжской землёй, клокочет яростный котёл Зла. И тут, не он один, а едва ли не все, сколько их было, почувствовали это. Зло шло на них, на тонущий в крови город, с этих тёмных, пугающих туч и пустынных-опалённых равнин. Оно поднималось из неведомых, чёрных недр, где, может быть, ещё стонали и умирали в неведомых невыносимых муках тысячи, миллионы перемолотых, затерянных в гиблых водоворотах войны человеческих судеб... Оно лилось из пучин этого железного враждебного неба.

...В потрясённом молчании, теряя самообладание от безысходности перед невероятной мощью врага, стояли они, сжимая в одеревеневших руках оружие, а с неба на них пристально и зловеще глядела от горизонта до горизонта, огромная, в виде чёрной свастики тень, поднявшаяся над миром.

* * *

– Твари! С-суки крестовые!..Да они же падлы надменные...нас даже за людёв не считают. Черви мы для них, как есть черви, братцы, насекомые и порша-а! Куды нам со штыком против немца?! Стопчет, как сыру поганку в труху...Братцы, родные...Чего молчим?! Не уж не ясно, – крышка нам всем! П...ец, народ! – заполошно, как баба на пожаре, голосил кто-то из третьей роты. – Печёнкой чую!

– Да ты ж, её...ишо до войны кончал, балабан. Чует он! Закрой зевло, от греха! Ладило б тебя на осину, Голдыбин...

В другой раз в окопах, как пить дать, грохнул бы смех. Теперь – они могильно молчали, будто набитые мертвецами.

...Но солдат, пропитанный животным страхом не унимался, сеял панику среди бойцов, рвал глотку, не уступая тягучему гулу винтов.

– То ж...чёрт знает что-о!! Мама дорогая...Братцы, товарищи вы мои по несчастью...Да мы ж, з-деся...пушечное мясо и для фашистского зверя и для наших псов – комиссаров! За что...За что-о погибать зазря?! Хана нам всем...Драпать нады. Драпа-ать пока не поздно. Айда домо-ой, братцы! Кто со мной?!

Краем глаза Танкаев увидел, ринувшегося на крик дезертира политрука 3-й роты Кучменёва. Твёрдое, как камень лицо. В синих глазах решимость. На груди старшего лейтенанта ярко и зло сверкала круглая медаль «XX лет РККА», в руке – чёрный ТТ.

– Сто-ой! Не подходи! Не подходи-и, гад!!У меня заряжена...

...Короткий пистолетный хлопок оборвал крик, восстановил порядок и дисциплину.

– Ну, кто ещё хочет домой драпать? К мамке под юбку, шаг вперёд! – политрук, бугря желваки, передёрнул ТТ. – Кто ещё не знает, за что следует воевать с оккупантами Родины?!

...В том месте на секунду сгустились бойцы...слышны были хриплые, глухие голоса. Сапоги перешагнули через труп Голдыбина, в бледном лбу которого зияла бордовая, круглая, как солдатская пуговица, дыра.

...И потом снова лишь один бесконечно-надсадный, леденящий душу, гуд самолётов.

«Молодэц политрук Кучменёв. Мужчина. Джигит. Как командир поступил», – с удовлетворением скрепил для себя комбат, отдал ответно честь, козырнувшему ему старшему лейтенанту.

– Ишь ты-ы! Живём не тужим, по фронту кружим, – застёгивая португеею, хэкнул комбат Воронов. – Гляди, какие у тебя brave орлы есть, прямо «чекисты». А ты говоришь с кем воевать... Ну, давай, брат, задержался я у тебя на «германских смотринах», пора и честь знать.

Они низом, шурша пересохшим будыльём, поднялись из оврага.

– Коль такой армадой прут на Сталинград, – раздумчиво сказал Арсений Иванович и, тыкнув по-дружески указательным пальцем в пряжку ремня Магомеда, сказал, – значит крепко, не по зубам орех. И это радует! Но думается мне, Мишка, застряли мы в этом пульпитном дупле, под городом Сталинградом, надолго, как дефицитная пломба. И это печалит моё командирское сердце. Ан, значит, судьба. Бьюсь об заклад. Сейчас немец – подлюка – девятым валом пойдёт. Они, ребята, конечно, справные, дело своё будь-будь знают, дисциплинированные, всё по линейке и транспортиру... Одна беда – разнообразием тактических партий не блещут. Всё, как всегда. Танковый клин-удар в лоб и последующая попытка взять нашего брата за рога... то бишь в стальные клещи... Посредством опять тех же танков, «бронерольгангов» и штурмовых команд. А вот здесь мы, майор! – Арсений Иванович насупился, сцепив зубы, дробя какую-то гранитную глыбу мыслей, и злорадно усмехнулся, – и должны им гадам всунуть... по самые каштаны, да с наждачком... так, чтоб до самой глотки, до жабр, до печёнки и прочего их вонючего кайфа и удовольствия... фрицам небо с овчинку показалось! Так давай же, Миша, давай, комбат, и мы своё слово впишем в историю.

– Так точно. Согласен. Но...

– Что «но», что «но»? – заглянул в смелые глаза аварца Иваныч.

– Орудий у нас мало, товарищ майор.

– Верно, мало! Но, когда их было много, скажи? – Воронов крутнулся на каблуках, ухватился за крутое плечо майора. – Правильно мыслишь, Танкаев. Начальство рискует звездой, а солдат головой.

– Что прэдлагаеш-ш? – Магомед встрепенулся, ровно его кнутом вдоль спины жиганули. Подтянулся, расправил широкие плечи.

...Комбат Воронов сжато, но с присущей ему сочностью-яркостью, в твёрдых фразах обрисовал возможную картину боя. В конце возбуждённо повторил:

– Орудия врыли по ноздри – это дело! Но если танки попрут, а они попрут, будь уверен! После каждых выстрелов, позиции артиллерии надо менять, кровь из носа! Немец не дурак, вояка тёртый... На третий выстрел, хоть тресни, сам накроет тебя, будте-нате! Чай, не забыл, как в Чижовке, в Долине Смерти, с фон Дитцем было?..

– Никак нэт. – Магомед свинцово потемнел лицом от услышанного имени.

– Да, знаю, знаю... Не свирепей прежде времени, – угрюмо усмехнулся Арсений. – Барон «старый друг» твой...

– Кровник! – хватаясь за кинжал, гневно вспыхнул глазами Танкаев.

– То-то и оно... Мартынов Алёшка... из Саратова, помнишь?

– Командир батареи?..

– Точно так. Он тоже, вот такой, порывистый был... Тягался с этим эсэсовским тигром, «кто-кого»... Вечная память герою. А почему, скажи на милость, – ожесточённо обратился Воронов к Магомеду. – Почему-у такой финал?! А потому, что только после четвёртого выстрела менял позиции. А тигр, мать его под хвост, на то и тигр... Ему мало усы подпалить. Загрыз гад... нашего Лёшку. Накрыл медным тазом. А я не хочу, не хочу тебя потерять, Танкаев! Ты, понял мою мысль, брат? Как себя, бойцов и орудия убережешь? В глаза мне смотри!

– Так точно, Арсэний Иванович-ч. – На бронзовом волевом лице горца растянулись в согласной, благодарной улыбке упрямые губы, не прикрывая влажной кипени плотных зубов.

– Я своим орлам тоже накажу крепко-накрепко. И комбату Соболеву передам. Иначе нам, Михаил, – Арсений вновь пристально, будто прощаясь навсегда, посмотрел в горячие, преданные глаза кавказца. . . И, сглотнув полынный ком в горле, уже ровнее добавил. – Иначе, боюсь не сдюжим. Но это я тебе по великому секрету сказал, – круто сводя всё на шутку, уральским котом подмигнул комбат Воронов.

– Все понял, товарищ майор.

– Да, что ты ей – Богу заладил, как уставной попугай: «товарищ майор», «товарищ майор»?

...они подошли ко 2-ой батарее.

– Смир-р-но!

– Вольно, – отдали честь, вскочившим на ноги артиллеристам.

– Вот такое дело, джигит, – подвёл черту Арсений.

– Все сделаю, в луч-чшем виде, как ты сказал, брат! Пуст фашист скрежещет зубами. . . Пуст хоть до корней их сотрёт! Клянус землёй, которая держит нас, насмэрть стоят будэм.

– Вот это в точку. Будь! И чтоб все пули мимо!

Воронов энергично прошёл к своему «американцу», за рулём которого дожидался Горохов. Ловко махнул на седушку рядом, и что-то крикнул водителю на ухо.

Ребристые шины взметнули фонтаны песка. Машина вертляво пошла юзом, показав дырявленный автоматной очередью правый бок; выровнялась и быстро поскакала зелёной лягухой по выбоинам и буграм целины, объезжая воронки.

* * *

С отъездом комбата 1-го батальона истаял в небе и тяжёлый гул крылатой армады. Песчаная буря утихла. Ветер спал, перешёл в тихий стон за Волгой; пыль и песок перестали слепить глаза, кусать руки, лицо. Но потрясение от всего увиденного-пережитого было слишком велико и все подавленно молчали, чистились от песка, чувствуя себя уязвимыми, словно воины без кольчуг и доспехов. В этом странном затишьи, чувствовал какое-то одиночество, заброшенность, тревогу и он сам. И, как оказалось, не напрасно.

Не прошло и пяти минут, как с батареи капитана Баймакова крикнули:

– Эй, глянь-те-е! Никак, верховой к нам летит от реки!

Артиллеристы привстали, прищурились, приложили ко лбам грязные краюхи ладоней.

– Шибко! Ты гля, братцы, как пылит!

– Так недолго и коня запалить, намётом жарит.

– Что б такое? Чёрная весть. . . Похоже, от комбата Соболева! – обеспокоился командир батареи и, повысив голос, крикнул Танкаеву, – Товарищ майор!

Но Танкаев, расставив широко ноги, уже смотрел в бинокль, не обращая внимания на восклицания.

...сквозь золотистую пыль просвечивала фигура верхового. Минут через пять стало видно отчётливей.

Магомед Танкаевич нахмурился, опустил на грудь бинокль, некое смятение коснулось его обветренного лица и застыло на развилке приподнятых бровей.

...теперь уже ясно был виден верховой. Он шёл броским намётом, левой рукой придерживая планшет на узком ремне, вправо – натянутый повод.

Он промчался так близко от батарейцев, что слышен был гулкий хрип коня, выдохшего в грядину раскалённый воздух, крикнул, оскалив серо-каменный рот:

– Адьютант полковника Соболева, Муравьёв! Немец, мать его чёрт! Танки, товарищ майор. Много танков!

– Сколько? – Танкаев резко посмотрел в сторону седых холмов от которых исходила угроза, потом снова на порученца.

– Не могу знать. У меня приказ начштаба полка оповестить всех командиров батальонов о наступлении фрицев.

– Что Соболев Юрий Александрович? Удэржыт левый фланг?

– Костями ляжем, но спины не покажем, товарищ майор! Да, и ещё... радисты вышли на связь с комдивом Березиным.

– Ну же!

– Генерал просил простоять только два часа... Дивизия ведёт тяжёлые бои на окраине Сталинграда... – держа ладонь у козырька спешно докладывал адъютант. – Будет сполох, товарищ комбат! Только держись! Честь имею.

Сверкнув возбуждённо-радостными глазами, порученец сорвал гвардейца-коня с места. На след, оставленный в горчичной пыли подковой коня, сорвалась из пасти белая пена.

Горец Танкаев проводил горячими глазами конного. В памяти осталось: тяжкий храп полу загнанного жеребца и, когда глянул вслед ему, – мокрый, отливающий стальным блеском круп.

Чуть погодя эту же информацию подтвердили и вернувшиеся разведчики капитана Ледвига. Танковые клинья и мотопехота, полк или два...

Не осознав ещё окончательно подступившей беды, он хмуро оглядел трепещущую в пыли конскую пену, затем череду холмов, сползающих к Волге волнистым скатом. Вдоль железной дороги со всех концов по траншеям и верхом по щебёнке перебежали посыльные передавали взводным приказы командиров рот.

... между тем по степи, до самого желтеющего в дымчатой не прогляди лобастого кургана, вздували густые шлейфы пыли танки корпуса генерал-лейтенанта Ганса Хубе; а там, где выбравшись на шлях, ехали бронетранспортёры и мотопехота единой жирной колонной, тянулся через поле к горизонту серый беспросветный серый хвостиче пыли.

... Стрелки, автоматчики, пулемётчики, миномётчики в последний раз проверяли оружие, ревниво раскладывали перед собой на земляном приступке гранаты, запасные обоймы, пулемётные диск ленты... кто-то горячо молился, кто-то жадно и беспокойно курил в кулак, кто-то пронзительно думал о сокровенном: о доме и родных... О любимых, о детях... об оставленных за порогом, прерванных проклятой войной делах...

– Чего же это, товарищ майор? Началось оно, началось, да?! – охнул кто-то из молодых солдат, испуганно, с надеждой на чудо, пляясь на своего командира батальона, как на икону... И взгляд этого желторотого бойца – взгляд зайца под прицелом – встряхнул Магомеда и пронял до мозга костей.

– Баталь-о-он! К бо-ою-уу!! – Он быстро, как всегда это делал перед атакой врага, пошёл вдоль позиции, краткими, сильными словами, ободряя солдат, офицеров, вселяя в них уверенность, мужество, волю.

Задержался перед тем самым молоденьким солдатом, что охнул у него за спиной, всмотрелся в его распахнутые, как окна, светлые глаза и приветственно крикнул:

– Кто такой?

– Рядовой Иван Епифанцев, товарищ майор.

– Так вот, Иван, запомни, – твёрдо сказал он. – У волка глаза вперёди, чтоб выдэт свою жертву. У овцы по бокам, что бы выдэт траву. Нэ будь жертвой, рядовой Епифанцев. Будь охотником. Будь воином! Дошло?

– Так точно, товарищ комбат.

– Молодэц. Бэй врага всегда и вэзде! И помни из какого ты рода!

Комбат, махнув рукой замполиту Кучменёву, растаял в облачке пыли, как и те офицеры, что рыжими текучими веснушками расцветили серый щебень железнодорожной насыпи.

* * *

...Тогда майор Танкаев ещё не знал, да и не мог предвидеть, что встретиться лицом к лицу со своим смертельным врагом бароном фон Дитцем. С обороны Шиловской высоты в не распутный узел завязалась между ним и эсэсовским полковником кровная вражда.

Не видал комбат и того, что суждено ему было разрубить этот узел на Волге, в городе Сталинграде. А тогда их 472-й стрелковый полк, как на фронте говорят, принял бой с колёс.

– Бата-рея-я! По бегущему фрицу! По фашистской сволочи, беглым ого-о-онь!!

Глава 5

Первоначальные успехи, достигнутые гитлеровцами на Кавказе в 1942 году, были, в том числе и результатом культивирования «немецкой стойкости», которая широко пропагандировалась в частях Вермахта, направленных на Восток летом этого года.

Ещё 15 июня Верховное командование Третьего Рейха отдало приказ о назначении в каждый полк, сражавшийся на восточном фронте, опытного офицера-наставника, которому поручалось координировать мероприятия, разработанные для укрепления боевого духа солдат. Офицеры – наставники были предшественниками офицеров национал-социалистического руководства, должности которых были введены летом 1942 года и которые стали главным инструментом политического контроля в Вермахте, вплоть до окончания Второй мировой войны. Политическая обработка солдат в нацистском духе сопровождалась изнурительной физической подготовкой и занятиями по рукопашному бою. Главной задачей офицеров – наставников было «возрождение тевтонского духа» и священной верой солдат в «неизбежность окончательной победы Великой Германии». Принятие подобных кардинальных мер показало новую тенденцию в политике Верховного командования, которое всеми силами стремилось заставить войска эффективно сражаться с русскими, несмотря на испытываемые ими лишения-потери и всё более и более неблагоприятную стратегическую ситуацию. Также постоянно подчёркивалось, что немецко-арийские войска ведут священную войну со «славянскими вырожденками», «нелюдями», «обезьянами», словом с нецивилизованными «большевистскими ордами», победа которых приведёт лишь к гибели Германии. Что ж, подобная тактика имела определённый успех.

Тем не менее, массивная политическая подготовка не могла компенсировать негативный боевой опыт приобретённый немецкими войсками в негостеприимных степях и предгорьях Кавказа. Здесь моральные и физические качества немецких солдат должны были пройти проверку огромными расстояниями, дикой жарой и пылью, а так же острой нехваткой воды – колодцев на юге России было мало, и вода в них часто была мало пригодной для питья. Выжженная степь и крутые горы, по которым наступала группа армий «А», чтобы выполнить приказ Адольфа Гитлера о захвате нефтяных месторождений, даже физически хорошо подготовленных солдат заставляли воевать на пределе их возможностей.

Из воспоминаний генерал-полковника Танкаева М.Т.

«...Во время попытки деблокировать Сталинградскую группировку 19 декабря 1942-го после восьми дней довольно скромных успехов элитный LVII корпус, преодолевая ожесточённое сопротивление наших советских войск, смог продвинуться лишь на 90 км и добраться до реки Мышковы – до линии обороны армии Паулюса, кстати, оставалось 5 км! Да и этот успех был достигнут лишь благодаря высокому уровню подготовки танковых экипажей и опытных командиров частей, а так же эффективной работе противотанковой артиллерии. В очередной раз немцы показали себя доблестными солдатами, готовыми любой ценой выполнить поставленный приказ. Но часто эти приказы были невыполнимыми из-за героической стойкости наших воинов и лишь приводили к бессмысленной потере тысяч жизней – к потерям, которые Вермахту, стоявшему перед лицом возрождённой Красной Армии, уже нечем было восполнить.

И как тут, право, не вспомнить и не провести поучительных исторических аналогий с жестокими нашествиями на Россию шведских полчищ Карла XII или «стоязкой» – лучшей на то время в мире, непобедимой армии Наполеона?..

«... Помню, в те дни тяжелейших и жесточайших испытаний, мы настойчиво задавались одним и тем же вопросом: «Когда? Когда же наконец наши союзники – Англия и США – откроют второй фронт?!»

Увы...к сожалению, ни американские, ни английские правящие круги совсем не торопились оказать действенную поддержку Советскому Союзу. Только в конце войны стало дополнительно известно, что двуликие союзники умышленно затягивали открытие второго фронта в Европе, безмерно и цинично обогащаясь на этой чудовищной войне, вероломно рассчитывая добиться полного истощения Германии и Советского Союза, что бы потом расправиться, как с первыми, так и со вторыми. И, как показало время, только наличие у нас ядерной бомбы, нарушило их коварный стратегический план...»⁶

* * *

Между тем, положение на Сталинградской фронте с каждым днём становилось отчаяннее. Некогда цветущий индустриальный город лежал в дымных, смрадных руинах. Фашистские механизированные полчища одержимо рвались через Сталинград, а советская 62-я армия яростно, на пределе всяких человеческих сил, вопреки злему року, удерживала левый берег Волги.

12 сентября генерал Василий Иванович Чуйков прибыл в Сталинград, чтобы принять командование 62-й армией. Выбор этой кандидатуры, одобренный Верховным, понятно, не был случайным. В военном деле Чуйков был, отнюдь, не новичок. В 17 лет он вступил в Красную Армию. В 1918 году, во время Гражданской войны, участвовал в обороне Царицына (позже – Сталинград), а в 1919 вступил в ВКП(б) и был назначен командиром полка. Храбро воевал: и с войсками генерала Врангеля, и белогвардейскими отрядами адмирала Колчака и генерала Деникина. В 1925 году Чуйков окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, затем участвовал в военных действиях в Западной Украине, Западной Белоруссии (1939) и советско-финской войне (1939-1940). И вот в 42-ом был назначен Ставкой командующим 62-й армии, оборонявшей Сталинград.

...К этому времени, в районе города действовала немецкая мощная группировка из частей 6-й и 4-й танковых армий общей численностью 600 тысяч человек, 11000 орудий и миномётов и свыше 200 танков.

Им противостояли войска Сталинградского (1-я гвардейская, 24-я, 21-я, 66-я и 4-я танковая армии) и Юго-Восточного (62-я, 64-я, 57-я и 51-я армии) фронтов, насчитывавшие 590 тысяч человек, 7000 орудий и миномётов и 6000 танков.

На следующий день в Сталинграде началось массированное немецкое наступление. 71-я, 76-я и 295-я пехотные дивизии Вермахта атаковали от Гумрака центр 62-й армии, в то время, как южнее 94-я пехотная, 29-я моторизованная и 14-я и 24-я танковые дивизии прорвались через пригороды Ельшанки и Дар-Горы и вышли к Волге. Ожесточённый, кровопролитный бой продолжался всю ночь, после чего Сталин приказал 13-й гвардейской стрелковой дивизии форсировать Волгу, войти в город и усилить 62-ю армию.

14 сентября немецкое наступление, поддержанное массированным огнём артиллерии и самолётами Люфтваффе, продолжалось. XLVIII танковый корпус Гейтца и 2 пехотные дивизии взяли Царицынский район, в то время как южнее Мамаева кургана 76-я пехотная дивизия немцев добилась значительного успеха, захватив железнодорожную станцию, которая в течение дня четырежды переходила из рук в руки) Так же 295-я пехотная дивизия гитлеровцев ворвалась на Мамаев курган, разорвав 62-ю армию генерала Чуйкова на две части. Положение стало катастрофическим.

Ночью 13-я гвардейская стрелковая дивизия форсировала Волгу и под непрерывающимся шквальным огнём противника всё же сумела закрепиться на левом берегу, оборудовав небольшое пред местное укрепление.

Бои шли без конца – днём и ночью! Кровь с обеих сторон текла рекой. ...Разлитая по воде нефть горела. ...И это было жуткое, мистическое зрелище: на протяжении нескольких километ-

⁶ Танкаев М.Т. «Шли с боями».

ров, подобно вулканической лаве, как факел ада, – пылала Волга! Солнца в те дни никто не видел.

* * *

Осенью 1942 года Гитлер отдал приказ своим войскам о переходе к стратегической обороне на всём советско-германском фронте, кроме сталинградского направления. Здесь фюрер продолжал наращивать силы для нового сверхмощного удара по Сталинграду. По замыслам стратегов Рейха, он должен был принести им решающий успех.

– Всё, чёрт возьми! Всё, господа генералы!! – бил в ярости кулаком по столу новый властелин Европы. – *Est modus in rebus! Ex ungue leonem!*⁷ Время родовых схваток закончилось! Мы покорители мира... К сапогам наших дивизий пали ниц правители передовых государств! На нашу военную мощь день и ночь работает вся Европа! Германия завалит Восточный фронт немецкими танками и трупами русских! Продолжайте непрерывное наступление на этот город Красного дьявола! Пленных не брать! Давить, расстреливать, жечь всех подряд... Не жалеть ни женщин, ни детей! Из гниды вырастает вошь... Я приказываю! Я требую от вас, господа фельдмаршалы, скорейшего взятия этого проклятого города любой ценой! По-вто-ря-ю...любой ценой!! Это дело чести каждого немецкого солдата и генерала. Это дело чести Третьего Рейха.

Видит Бог! На нас теперь, как никогда, затаив дыхание, смотрит весь мир! Идите и возвращайтесь с победой. Германия и вся Европа будет рукоплескать вам!

А теперь, внимание! – он ритуально воздел напряжённые растопыренные ладони на уровне лица, закатил кверху глаза, затем тут же соединил крест-накрест нервные пальцы у груди и, яро выбрасывая их вперёд уже сжатыми кулаками, неистовым взором римского триумфатора обвёл свой

Верховный ареопаг. – Мы все выпьем за успех доблестной 6-й армии Паулюса на берегах Волги. За полный, окончательный разгром коммунистического жидовского гнезда и тотальное уничтожение красной заразы!

В Дубовом зале, будто взорвалась противопехотная мина. Гробовая тишина и... Стулья воинственно загрохотали по паркету. Вершители судеб с широкими двойными лампасами на галифе, сверкая Железными, Рыцарскими крестами, звёздами, аксельбантами и золотыми плетёнками погон на парадных генеральских мундирах, все как один, вытянулись во фронт перед своим неподражаемым фюрером.

А он, возликовав от собственной архиисключительности, от своей невероятной силы духа и гипнотического, астрального дара повелевать миллионами, в экстазе вскинул руку в нацистском приветствии и истерично хлестнул:

– Зиг!

– Ха-айль! – восторженным рёвом гремел зал.

– Зиг!!

– Ха-айль!

– Зиг!!

– Ха-а-айль!!!

Фельдмаршалы пили за Великую Германию, своего вождя и за прославленных боевых генералов, входивших в 6-ю армию Фридриха Паулюса, который блокировал Сталинград с запада и готовился предпринять сокрушительное наступление для захвата города и уничтожения большевистских орд.

– За IV корпус генерала Йенеке! И VIII – Гетца!

– За бесстрашного генерала Хубе и его XIV танковый корпус!

– Bravo, господа! За XI корпус везунчика Штрекера!

⁷ Всеми есть предел! Льва узнают по когтям! (лат.)

– За I корпус Зейдлиц – Курцбаха!
– ОДИН НАРОД, ОДНА ИМПЕРИЯ, ОДИН ФЮРЕР! Слава Тысячелетнему Рейху! Хайль Гитлер!

– Зиг!
– Хайль!
– Зиг!!
– Хайль!!
– Зиг!!!
– Ха-а-айль!!!
* * *

– Нет, нет... Здесь плохой обзор, барон. Никуда не годится, – генерал Хубе категорично покачал головой. Приобнимая командира ударного танкового батальона фон Дитца и, похлопывая его по спине, предложил: – Пойдёмте, посмотрим вашу позицию, штандартенфюрер, вон с той высоты, пока она цела.

Они обходили полуподвальный этаж, в окружении шести автоматчиков СС. Из тёмной глубины подвала, едва озаряя бетонные ступени, исходил оранжевый зыбкий отблеск. В бетонном подземелье, защищённые от бомб и снарядов, отдыхали автоматчики штурмовой бригады оберштурмбанфюрера Хорста, горели русские трофейные печки – «буржуйки», открывались шведские консервы, резалось сало-хлеб, варилась гороховая похлёбка. Её дымный запах вместе с малиновыми отсветами очага достигал позиций.

По приказу командующего генерала Паулюса, все захваченные немецкими войсками: улицы, заводы или цеха, жилые, административные здания и прочие объекты, – были превращены в сплошную цепь мощных укрепрайонов и узлов обороны. Буквально перед каждым домом, на каждой улице – переулке с немецкой педантичностью были раскинуты густые сети минных полей, и многозарядные заграждения из колючей проволоки...

Исклёванные осколками – пулями, изглоданные снарядами и минами стены домов, чердаки, люки подвалов, трансформаторные будки, железнодорожные депо и насыпи, – положительно всё было приспособлено для обороны; всюду и насыпи, – положительно всё было приспособлено для обороны; всюду чернели пулёмётные амбразур, снайперские гнёзда, танковые и орудийные стволы, готовые в любой момент извергнуть кинжальный огонь.

Немецкие инженеры – сапёры предусмотрели все мелочи. Даже воронки из-под снарядов, бомб и крупных мин на переднем крае они накрыли листами железа, что бы идущие в контратаку иваны не могли в них укрыться от перекрёстного и лобового огня. Проёмы выбитых окон и дверей были обтянуты проволочными сетками, что бы брошенная врагом граната или бутылка с зажигательной смесью не пролетала внутрь, а отскакивала обратно. Все опорные заставы, узлы и коммуникационные линии – пути сообщения, связывающие районы расположения 6-й армии с её базами, командными пунктами и тыловыми районами, пути сообщений с военными аэродромами, бункерами, – были связаны ходами сообщений с контрольно-пропускными пунктами, траншеями, вырытыми в полный профиль, а местами и уходящими под землю.

6-я армия, конечно, не собиралась зимовать на этом рубеже. Её цель была – захват города и разгром оборонительных частей русских. Но!.. Уже первые бои за Сталинград показали: сделать это будет архинепросто. Русские бились фанатично буквально за каждую пядь земли города. В жесточайших сшибках, кровопролитных сражениях – рукопашные схватки – ножи в ножи – продолжались 4-5 часов! – защитникам Сталинграда вопреки всему удалось остановить на восточной окраине города многочисленные войска генерала Паулюса, поддержанные тысячами танков, самолётов Люфтваффе, тяжёлой артиллерией и мобильными бригадами миномётчиков.

В Ставке Паулюса поразились невероятной отваге, безрассудному мужеству и военной сноровке советских воинов. Невероятно трудно, а вернее невыносимо было противостоять этому огненному смерчу, этому железному натиску бронированных машин!.. Но русские в этой битве – людей и машин – выстояли, удержались на узкой городской полосе у левого берега Волги и продолжали фанатично сопротивляться.

... Именно это обстоятельство и живая память об операции «Тайфун» – германского наступления на Москву осенью 41-го, когда, считавшийся непобедимым Вермахт, был оставлен на подступах к Москве, а затем и отброшен назад в ходе контрнаступления Красной Армии, – заставило командующего 6-ой армии Паулюса прибегнуть к таким исключительным мерам предосторожности. Оно и понятно: обжегшись на молоке, – дуешь на воду. Но в том то и дело: это была не вода, а кровь отборных воинских частей Третьего Рейха, а это стоило дорого!

Тревожило генерала испытанного во время вторжения в Польшу, а затем в боевых операциях в Бельгии, Франции, и то обстоятельство, что хотя его механизированным войскам, вооружённым новейшим оружием и удалось занять ряд важных стратегических рубежей, полностью овладеть городом не удалось...

Между тем яростные, изматывающие бои за каждую улицу, дом и этаж продолжались. Ежедневно и ежечасно гибли десятки, сотни лучших солдат и офицеров его армии, а, истекающий кровью, противник, продолжал ожесточённо сопротивляться и даже бросаться в безумные контратаки, предпочитая смерть в бою, вместо выброса белого флага.

– Russe schweine! Allerwertester! Scheibe! Scheibe! Scheibe!⁸

Всё это в тайниках души опытного боевого генерала наводило на тяжёлые мысли. Гнетущие предчувствия сурового-загадочного рока нет, нет да посещали Фридриха Паулюса... Но, как кадровый военный, как командующий, как признанный эксперт по современной механизированной войне, и просто, как сильный, волевой человек, умеющий управлять своими эмоциями, он крепко держал эти предчувствия в железном кулаке; гнал прочь дурные мысли и настраивал свои боевые соединения, своих генералов исключительно на викторию!

* * *

...перешагивая через обгорелые брёвна, обходя груды битого кирпича с узлами искорёженной арматуры, они продвигались к полуразрушенному дому, крыша которого была сорвана артиллерийским огнём. И повсюду: у огневых точек, на сторожевых постах, у подземных люков, куда в минуты обстрела соскальзывали и укрывались бойцы, – повсюду были солдатские лица. Призрачно проявлявшиеся под лимонными лучами прожекторов, эти немецкие лица – утомлённые, с тёмными подглазьями, с блестящими живыми глазами, жадно и настороженно, с угрюмой почтительностью озирали командующего корпусом генерал-лейтенанта Хубе и сопровождавшего его штандартенфюрера СС фон Дитца. Хваткие руки стрелков – автоматчиков, грязные от ружейного масла, пороховой гари и пыли, крепко сжимали оружие.

– Эй-хо, бесстрашные покорители мира! Сыны Великой Германии, режем глотки большевистским собакам? – Хубе, следуя привычке фюрера, по-отечески потрепал по щеке унтер-офицера, молодое лицо которого напряглось радостно и зарделось от прикосновения. – Что ж, не заступились ещё ваши клинки, из магдебургской стали?

– Никак нет, гер генерал-лейтенант! – мужественный унтер-офицер в стальной каске, щёлкнул каблуками, смело оскалился в улыбке, показав плотный ряд белых зубов.

Хубе рассмеялся, узрев на усталом, но твёрдом лице солдата этот влажный оскал:

– Bravo! Ну, как вам, барон? – он благосклонно кивнул, холодно улыбнувшемуся Железному Отто, и откидывая длинную полу генеральского лайкового плаща, воодушевлённо продолжил:

⁸ Грязные немецкие ругательства в адрес русских (нем.)

– Чёрт возьми! С такими бравыми парнями, да не опрокинуть в Волгу красную сволочь! Майн Готт! Да это просто нонсенс! Так – нет?

И пока унтер-офицер, от лица своего отделения, лающе заверял, что уничтожить русских и взять Сталинград – «дело чести для каждого немецкого солдата», Хубе, а вместе с ним и фон Дитц остро ощутили запах прогорклого дыма, исходящий от потрёпанного мундира младшего офицера, от его куртки и несвежего белья. Так пахнут тлеющие помойки, где сгорают мусор, кости и пищевые отходы. Так пахла передовая, пахли уличные бои, сожжённая техника, так воняли выгребные ямы, жилые подвалы и свежие рвы погребений...

– Как кормят? – морща красноватый нос, спросил генерал, оглядывая обступивших его и Отто, солдат в полевой форме, не расстававшихся с автоматами.

– Гуд. Зэр гуд, гер генерал! – снова за всех рывкнул сероглазый унтер. – Горячая похлёбка, галеты, мясные-рыбные консервы, шоколад, сухофрукты и даже французский портвейн.

– Шпик, масло, свежий хлеб и молоко наши интендантские службы реквизируют у сельского населения...

– У баб! Аха-ха-а!

– ...которые не успели бежать за Волгу...

– А может, не захотели?

– Ха-ха-хаа! Наши «штыки» лучше, чем у их «му-жи-коф».

– Твоё имя, солдат? – генерал улыбнулся весёлому, долговязому унтеру.

– Август Вебер из 4-й стрелковой роты, гер генерал.

– Откуда родом? – Ганс Валентин Хубе огладил кожаной перчаткой посеребрённые седьмой виски.

– Из Южной Саксонии, гер генерал.

– А ты? – он всмотрелся в лицо, стоявшего рядом белобрового фельдфебеля, который жадно внимал ему, ожидая наставления или приказа.

– Из Вюртемберга. Штутгарт, гер генерал.

– Отец жив?

– Никак нет. Английским фугасом убило.

– Мать? – Хубе приподнял левую бровь.

– Не могу знать. Давно нет писем.

На заострённом от усталости и лишений лице фельдфебеля не было горя или отчаяния, – одно нетерпеливое ожидание. Что скажет ему командующий. Пошлёт немедленно в бой или оставит здесь до утра, когда на рассвете начнётся очередная артподготовка, дома задрожат от прямых попаданий и их полк, вслед за танками, пойдёт в наступление.

– Солдаты-ы! – генерал обернулся к обступившим их плотным кольцом пехотинцам. – Наша война, здесь, в Сталинграде, не просто война! Это новый «Дранг нах Остен», кой спустя десять веков, после наших славных предков, под знамёнами Третьего Рейха, повторяем мы с вами! Это новый Крестовый поход! Мы – солдаты Вермахта, фюрера, солдаты Господа Бога... воюем не просто за территории на Востоке. Держите в своих арийских сердцах: мы спасители мира. Это война религий, война наций и рас! Старого и Нового мира. Мы, рыцари Рейха, бьёмся не просто с красными варварами... Мы бьёмся здесь, на Восточном фронте, с атеизмом и материализмом. С безбожными псами, с людоедскими сворами недочеловеков, с большевистским отродьем!

Это священная война Запада с Востоком. Война свободы с несвободой. Порядка с хаосом. Закона с беззаконьем. Битва цивилизованного мира с диким зверьём, с вонючими жидами – комиссарами, кои обманом и кровью захватили законную власть в России; подло расстреляли и надругались над царской семьёй, и насильственно выжгли тавро коммунизма на лбах своих пленённых народов!

Знаю, многие из нас погибнут в этой смертельной битве, – генерал Хубе обвёл воинственным взором тесные шинельные ряды, – но мужество, воля и мощь Германии – непоколебимы. Мы лишь плотнее сдвинем наши железные шеренги, а наша месть врагам будет тотальной и беспощадной, по принципу «выжженной земли»!

С чувством от тронул холодный автомат, висящий на груди долговязого унтер-офицера Августа Вебера:

– Но я знаю и другое, мои солдаты! Пленные иваны, эти русские обезьяны, их генералы и офицеры, их лётчики, артиллеристы и танкисты, которых я вам отдам... И миллионы других, кои падут к ногам нашего фюрера и его несокрушимых дивизий... Будут строить на этой земле Новую Германию, вашу Германию, Тысячелетний Рейх – для ваших детей, внуков и правнуков!

Endgeil! Segul il tuo corso, e lascia dir le genti!⁹ Verba volant, scripta manent!¹⁰

Герои не будут забыты! Фюрер – отец нации, – позаботится о каждом... И о семьях тех, кто пал смертью храбрых, расширяя границы Фатерланда, и о тех, кто с победой и немеркнущей славой на штыках германского оружия вернётся. Героям будут торжественно вручены новые ордена и кресты, богатые земельные угодья, рабы, кои будут в поте лица возделывать для ваших семей, а так же памятные, именные подарки. Allerwertester! Поверьте, за это стоит драться! За это, чёрт возьми, не страшно и умереть!

Ганс Хубе, подобно римскому полководцу, оглядывавшему перед боем свои легионы, гордо воздев твёрдый подбородок, снова сверкнул воинственным взором по свинцовым лицам. Отражая огненные языки города, остановившимися оловянными глазами, с приоткрытым не дышащим ртом, он виделся в этот момент изваянием хищной птицы отлитой из стали.

Железные складки на его лице наконец дрогнули – ожили и он, отдавая честь своим солдатам и офицерам, отдал приказ:

– Теперь займитесь тем, чем должен перед завтрашним сражением заняться каждый. Личное оружие привести в идеальный порядок!

Унтер-офицерам проверить готовность и доложить ротным командирам побатальонно. И ещё... – комкая перчатку в руке, он процедил дымный воздух сквозь зубы. – Помолитесь Создателю о здоровье родных и близких, о живых и погибших, хорошо выспитесь и настройтесь все, как один, на викторию. Мы немцы, мы властелины мира, с нами Бог! Baumstark! Это выбито на ременной пряжке каждого из вас.

И последнее, – Хубе двинулся вдоль плотных рядов, делая короткие шаги, точно сберегая пространство и стараясь сохранить запас его позади себя. – Убеждён: огневая мощь наших гаубиц, танковые клинья, массированные удары с воздуха Люфтваффе и ваша личная штыковая смелость сметут и растопчут в огненную пыль ошмётья этих чёртовых красных орд!

...Отто видел, как засверкали стальным отблеском тысячи глаз; как солдатские, перепачканные кулаки крепче стиснули оружие. И вместе с командующим XIV танкового корпуса Гансом Хубе, испытал при этом горделивое, терпкое тепло, получив его из суровых, храбрых солдатских глаз.

* * *

– Bitte, baron! Доделаем начатое, как говорили древние. Поднимемся наверх и осмотрим окрестность, где завтра нас ждут великие дела.

– Bravo, экселенс! Ваша речь... – фон Дитц с галантной почтительностью склонил голову и развёл руками. – Как Бог свят, выше всяких похвал. Право, сам непревзойдённый мастер пропаганды Иозеф Геббельс и тот... мог бы позавидовать вам. Мои поздравления, гер генерал.

⁹ Следуй своей выбранной дорогой, и пусть люди говорят, что угодно (слова Данте).

¹⁰ Слова улетают, дела остаются (лат.)

– Я не завистлив и не тщеславен, барон. И довольно восточной лести, вам это не идёт, полковник. Мы, командный состав, должны быть знакомы с азами риторики. Ведь, и крыса порёбрика – barenkiller¹¹...любит доброе слово, мм? Они понимающе улыгнулись друг другу.

¹¹ Шлюха (нем. руг.)

Глава 6

...Молчаливое сопровождение рослых автоматчиков СС решительно выдвинулось вперёд. Вслед за ними вверх по лестничному маршу, упруго наступая на бетонные в осколках, щербинах и трещинах ступени, стали подниматься они.

...С каждым новым этажом, сквозь рухнувшие проёмы сильнее дул холодный чёрный ветер. Открывался всё более панорамный вид безглазого города, объём багрового угрюмого зарева. Впереди и сзади, прикрывая своими телами и касками, ходко, и почти бесшумно продвигалась натренированная охрана.

...Поднялись на последний этаж. С правой стороны угрюмо горбатились останки сорванной крыши – вздыбленные обгорелые стропила, похожие на рёбра разбитого о скалы парусника; щербатые персты вентиляционных кирпичных труб, гремящие на ветру ключья кровельного железа, холмы битого шифера...

Они стояли на чудом уцелевшем деревянном перекрытии пятого этажа, под защитой полуразваленной стены, давая успокоиться учащённому дыханию. Осматривали с высоты ночной, грохочущий разрывами, город, над которым дул огромный, холодный осенний ветер 42-го года, выхватывая из тёмных дымных ущелий улиц туманное злое зарево, швыряя из разверстых глубин и развалин жуткие стоны и гулы.

Сталинград горел с разных сторон по всему левому берегу Волги; казалось, бушующие волны пожаров пробивались друг к другу через руины зданий, барьеры камней и те принимались тлеть и гореть, медленно, неохотно, превращая чугунное небо в раскалённую гранатово-красную медь.

* * *

Штандартенфюрер фон Дитц знал: только в течение первой недели 6-я армия Фридриха Паулюса произвела сто семнадцать атак на дивизии русских. Были жуткие дни, когда танки и пехота Вермахта двадцать три раза ходили в атаку... Но, чёрт возьми, все эти двадцать три атаки были отбиты! В течение этой недели каждый день авиация Люфтваффе висела над Сталинградом по двенадцать-четыре часа. Всего за неделю триста пятьдесят часов! Оперативное отделение Паулюса подсчитало астрономическое количество авиабомб, сброшенных на этот проклятый, «злой» город, как оно его окрестило. Эта цифра с пятью нолями! Такой же цифрой определялось и количество налётов на позиции русских. Всё это происходило на фронте длиной более десяти километров. Этой битвой титанов, этим рёвом и грохотом можно было оглушить Человечество. Этим испепеляющим огнём и расплавленным металлом можно было сжечь, залить и уничтожить целое государство в Европе. И Сталинград был сожжён и залит расплавленным металлом, но... не уничтожен!

Железный Отто был в ярости, недоумении, гневе. «Schweinsleder! Ficken bumsen blasen! Russis hunds!»¹² Нет, чёрт побери, он был ошеломлён непостижимой стойкостью русских... Их воинской выучкой, умением воевать в современной войне и противостоять на равных лучшей армии мира!

Он был поражён до мозга костей: готовностью русских к массовому самопожертвованию...» Но во имя чего?! И ради кого?... – терзал он себя вопросами. – Неужели, ради этого усатого людоеда Сталина? – который по его сведениям, не был даже русским по происхождению. – Майн Готт! Неужели, ради этой Красной жидовской идеи, которая сожрала своих собственных детей, как и французская революция? Неужели, ради серпа и молота, которые хлеще всякой гильотины – машины для обезглавливания, в слепой ярости размолотили и вырезали под корень едва ли не половину России, уничтожив её тысячелетний уклад и соборность?..»

¹² Грязные немецкие ругательства (нем.)

Он был растерян и потрясён от увиденного в Сталинграде. Для него, выдавшего виды, это было какое-то запредельное откровение...

Дьявольское наваждение... И за всем этим «невозможным» – стояли те самые русские, которых в Берлине брезгливо считали презренным скопищем грязных тупых животных, не способных управляться с современной техникой, не умеющих воевать, мыслить и созидать, а лишь пить водку, плодиться, как свиньи, и жрать отбросы с кремлёвского стола из одного, общего коммунистического корыта.

Воспоминания последних дней были похожи на чёрно-красные мазки слякоти, сделанные не кистью, но изрыгающей толчками кровь культей.

...угольные остовы сторевавших грузовиков вместе с водителями и солдатами, взорванные танки, подбитые-перевёрнутые бронетранспортёры, смятые, как пачки сигарет, орудия, машины и мотоциклы; сотни-тысячи трупов немцев-русских на выжженных улицах, площадях среди обгорелых-оплавленных руин, густо присыпанных чёрным пеплом и тусклой серой золой; тысячи раненых-измученных пленных, похожих на диких, заправленных зверей; госпитали-лазареты в подвалах, где под ослепшими лампами рычали-орали-стонали-рыдали от боли немецкие солдаты с оторванными руками, ногами... Где в забрызганных-заляпанных кровью оцинкованных тазках-ваннах с хлоркой валялись груды отнятые полевыми хирургами: ступни и кисти, предплечья, лодыжки, бёдра, пальцы, носы и уши... будто в разделочных мясных лавках Ганновера, Франкфурта и Берлина.

Видит Бог! Мясо, кровь, страдания, смерть и тлен, пасти и челюсти могильных рвов, он, Отто фон Дитц, видел и раньше – в Северной Африке, Франции, Польше... Но такой безумной вакханалии, такой чудовищной какофонии Смерти... Такой массовой бойни... такой мясной фарш, сочащийся арийской кровью-впервые!...

«Das ist unser letzter Trost! – он ожесточённо и зло скрежетнул стиснутыми зубами. – Nutten ficken... Nomina sunt odiosa!»¹³ Такие сюжеты из

ада, в Берлине не поощрялись. Пропаганда Геббельса предпочитала демонстрировать Европе с Восточного фронта иные сюжеты. Центр вещания Берлина по-прежнему предлагал обывателю победный «глянец» и «лоск» с театров военных действий, – оповещал Старый и Новый Свет лишь о героическом, непоколебимом наступлении гитлеровских войск, о катастрофических потерях Советов, о подвигах солдат и офицеров Великой Германии и пещерной жестокости славянских вандалов. Эти вести, как ни странно, охотно подхватывали мировые агентства, показывали всему земному шару военную, парадную хронику: операции в Сталинграде, на Кавказе, в Крыму, на Северном и Центральном направлениях Вермахта так, как её видел и понимал благословенный фюрер и его верховное – ближайшее окружение.

А между тем, события на Южном и Сталинградском фронтах стремительно развивались и совсем не по сценарию, какой прогнозировали в Рейхстаге. Адольф Гитлер вместе со своими стратегами, астрологами и другими советниками из секретных служб «Аненербе», коим безоговорочно доверял и до конца жизни верил во всевозможную древнегерманскую, тибетскую и прочую оккультную мистику, – был убеждён... Что его группа армий «А» под предводительством генерал-фельдмаршала Листа, и группа армий генерал-фельдмаршала фон Бока, которые должны были соединиться с наступающей на Сталинград 6-й армией генерала Паулюса, непременно сломают своей стальной и огненной мощью моральную силу советских полков и дивизий. В Берлине уже поднимались фужеры с шампанским и говорились победные тосты во славу немецкого оружия... Фюрер и его первая пятёрка нацистских вождей: Геринг, Гиммлер, Геббельс, Борман и Риббентроп были уверены, что разгром и уничтожение больше-

¹³ Проклятье! Чтoб вас всех... (нем.) Имена ненавистны, не будем называть имён (лат.)

вистских орд в Сталинграде уже у них в кармане. Все искренне полагали, что окончательно перекрыли возможный предел сопротивления человеческих сердец, нервов и психики.

Но случилось невероятное! Невозможное! Русские не согнулись, не забылись в пароксизмах истерики и психоза, не сошли с ума, не потеряли в безумии ужаса волю и власть над своими сердцами и нервами... Но стали ещё сильнее и выдержанней!

«Молчаливый, упрямый, трёхжильный русский народ стал ещё суровей, ещё ожесточённее; ввалились у красноармейцев щёки, камнями обострились скулы, мрачно и люто смотрели присыпанные пеплом глаза... Но ратный дух защитников города лишь закалился крепче булата и поднялся орлом, выше самых высоких чёрных дымов Сталинграда.»¹⁴

* * *

... Словно прочитав мрачные мысли фон Дитца, генерал Хубе сохраняя невозмутимость, глухо заметил:

– Не правда ли, странное ощущение, барон? Тяжёлое, торжественное, страшное, щекоотливое и одновременно вдохновенное... Как восхитительная музыка великого Баха или Вагнера, мм?

Наверное, так наши предки ощущали себя накануне Грюнвальдской битвы? В этом чёртовом сонме разрывов и стонов земли... Я слышу воинственный голос валькирий, что из века в век помогали нашим героям в битвах и уносили души убитых воинов в Валгаллу, где им прислуживали на пирах... Н-да, теперь эти девы-богини помогают нам, барон, и кто знает...

– О-о, да вы ещё и романтик, гер генерал? Не знал...

– Ровно настолько, полковник, чтобы в этом аду не сойти с ума, – парировал Хубе.

Он кивнул на бушующие пожарища, в которые холодно всматривался стройный эсэсовец, точно старался угадать в дымящихся кварталах и чёрных решётках стен мёртвых зданий свою судьбу...

– Я понимаю, а более разделяю ваши настроения, полковник. – Командующий поднял кожаный ворот плаща. – За время нашей короткой, но насыщенной боями совместной службы я понял... Вы не только отличный танкист, но и удивительно тонкий аристократ, до мозга костей пропитанный идеями Третьего Рейха, всецело преданный фюреру и нашей нацистской партии.

– А вы, сомневались, экселенс? – продолжая курить, хищно усмехнулся Отто.

– Отнюдь. Потому буду откровенен.

Генерал покачал головой, словно отгоняя наваждение. Отгонял его, как облако синего зыбкого дыма. Понизив голос, серьёзно сказал:

– Я не знаю, что нас ждёт завтра. Надеюсь, это будет крах большевиков. Силы Вермахта стянутые в эту военную кампанию под Сталинград – колоссальны. Русские стоят насмерть. Это делает им честь, но и только. Им не устоять перед нашим ударом! Сталин, с его параноидальной азиатской упрямостью, окажется на лопатках. Сейчас он просто блефует! Это агония Советов. Здесь, в Сталинграде, в решающей битве, важно не спутать карты, не поддаваться эмоциям, чёрт побери. Кто первый сорвётся, сломается, тот и проиграл. Но теперь, не об этом. Хм, я хотел бы поговорить с вами, друг мой, о душе.

– ? – фон Дитц на середине фразы командующего танковым корпусом замер, с удивлением посмотрел на него, отвёл сигарету в сторону. Его строгое лицо передёрнулось гримасой непонимания, и он переспросил:

– О «душе»? Я правильно понял вас, гер генерал? Это сейчас столь актуально? – щелчком пальца Отто запустил окурочок в сторону, который, падая с пятого этажа, прочертил оранжевую дугу, точно крохотная сигнальная ракета.

¹⁴ В.С. Гроссман, – советский военный корреспондент, из книги «Годы войны, ноябрь 1942».

– Для меня, да. Здесь и сейчас! – энергично прозвучал ответ. – Не скрою, глядя на вас, полковник, в эти минуты я подумал... Как всё же непостижимо пересекаются человеческие судьбы. Взять хотя бы нас с вами. Но, как показывает жизнь, в ней есть такие перекрёстки, на которых все сходятся. Да, да, все. Для какого-то огромного, определяющего дальнейшие судьбы мира, – дела.

– Для войны? – Отто остро взглянул на собеседника.

– В десятку, барон. – Хубе сунул ладонь в чёрной перчатке за глянцеви́тый борт плаща. – Или, если угодно, для последнего, прощального поклона. Здесь, в Сталинграде, наступило такое время. Сотни тысяч касок и штыков, да что там миллионы касок и штыков встретились здесь, чтобы поставить точку в этой войне. Сошлись для сверхважного, предельного дела.

– Видит Бог, вы вновь поражаете меня, экселенс. Говорите, ни как генерал, а как священник.

– Вы находите это... слабостью, штандартенфюрер? Что ж, у каждого пастуха свои овцы.

Они выдержали паузу, глядя на потрясающий воображение вид. Город сгорал. Опоясанный красным туманным заревом, он, казалось, истекал в пламеневшие, дрожавшие от всполохов небеса. Истекали шумные многолюдные площади, шумные рынки, праздничные доведенные шествия, весёлые свадьбы, роддома, исчезали детские сады наполненные разноцветной ребятнёй; ухоженные городские парки, театры, кинотеатры с красочными афишами, громкие посиделки за домино в прогретых солнцем дворах. Исчезало, улетало в небо положительно всё, что ещё недавно было живым, осязаемым, дышащим...

– Так вот, – исподволь продолжил Ганс Хубе. – Все кому было предначертано судьбой свыше – уже собрались здесь и отыскиали друг друга. И будь, я проклят, уже не потеряются. – Он дружески похлопал по плечу. Отто, отмечая при этом, как чётко и грамотно по периметру этажа заняли позиции стрелки оберштурмфюрера Рунге.

– Рыцарский крест... Крест Божий, под знамёнами фюрера собрал мотомеханизированные армии Германии и направил их сюда. Красные бесы, тоже сошлись отовсюду и построились в несметные боевые порядки. Baumstark! Скоро грянет битва Небесная.

– Знаю, – Отто тронул пальцами лакированный козырёк чёрной фуражки, – здесь на Волге, предстоит битва Зла и Добра. – Косой шрам, рассекавший его бровь, налился тёмным свинцом; голубоватая ветка жил на виске пульсировала почти в ритм грохотавшим миномётным разрывам. – Мы крестоносцы XX века, прибыли сюда, чтобы спасти мир от красной чумы. И я готов, мой генерал, сражаться, готов умереть за священную волю Третьего Рейха. Но всё это произойдёт здесь, на земле, в Сталинграде. Причём же тут Небо, экселенс?

– Ничто не происходит без воли Творца, – отзывался Хубе.

Он извлёк из внутреннего кармана плаща короткий серебристый цилиндр, приставил к глазу. Медленно вёл по разбитому проспекту, на котором был невообразимый затор из подбитой – сгоревшей техники, по корявым, обугленным стенам мёртвых кварталов, по чёрно-буromу громадью Дзержинского тракторного завода и далее артиллерийского завода «Баррикада», которые ещё предстояло отбить у иванов. И фон Дитц увидел, что это был оптический прицел винтовки. Увеличенные оптикой, проникая в зрачок сквозь тончайшую сетку, светились рубиновые окна горячей гостиницы, рельефная лепнина фасада, чугунное литье фонарей. Возникали и исчезали крадущиеся группы, стремительно перебежавших улицы вооружённых людей...

Оптический прицел скользил далее по руинам строений, обломкам бронзовых и гранитных памятников, снова по развороченным бомбами и разрывными снарядами гаубиц заводским цехам, наполненным трупами, разбитыми станками и механизмами; по обгорелым нефтехранилищам, по развалинам элеватора, со сгоревшей до тла душистой отборной пшеницей и далее...

– Braunarsch...Schweins-kotelett...– сорвалось с губ генерала. Всё, что он наблюдал превращалось на его глазах в огненное сонмище хаоса, уносилось в чугунное небо, издавало едва различимый неумолкаемый гул, подобный жерловому вою kloкочущего вулкана.

...Красивый город на Волге сгорал. Однако, ни Ганс Валентин Хубе, ни Отто фон Дитц не испытывали по сему поводу ни капли сожаления. Пожары отмечали рубежи передовой, где гибли и сгорали ненавистные отряды обороны противника. Дроглые пятна тьмы и света, шафрановые-малиновые пучки трассеров, летучие, как золотые пчёлы, рубленные пунктиры пулемётов, харкающие кинжальным огнём на разных высотах и уровнях этажей, меркнущие-вспыхивающие осветительные бомбы, ртутные косматые шары ночных взрывов, рябиновые-лимонные гирлянды осветительных ракет, – оповещали о непрерывных столкновениях; о вражеской технике, сгоравшей от ударов гранатомётов panzerfaust – безотказного противотанкового оружия, стрелявшего реактивной гранатой с кумулятивной боевой частью, о русских штурмовых – маскировочных сапёрах или разведке, попавшей в засаду, о танке либо самоходке разорванных в клочья мощным фугасом.

Сталинград обеими сторонами был превращён в чудовищные жернова, перетиравшие кости и мясо друг друга. Но жернова изнашивались, замедляя свой дьявольский ход. И когда они, наконец обездвижутся, напрочь залипнут в парной, чавкающей гуще уничтоженных людских масс... – рассчитывало немецкое командование, – Советам будет нанесён последний сокрушительный удар, который переломит становой хребет Красной Армии и поставит её разношерстные орды на колени перед стальными гусеницами и сапогами Великой Германии.

* * *

...Господа офицеры продолжали невозмутимо всматриваться в пульсирующий смертью город, исследуя интенсивность огня. Старались определить, где в его расколоте черепа проходят швы и костные стыки, по которым, уже завтра, их танки и штурмовые отряды вновь пойдут на прорыв, оставляя за собой обугленные руины и кровавые развалины траншей, смердящие трупной вонью.

Оставаясь на месте, Отто потянулся всеми своими крепкими мышцами, словно проверял их эластичность, готовность к удару. Тут же мягко, как ягуар, расслабился, и уголки его жёсткого рта растянулись в холодной усмешке.

– Прошу прощения, гер генерал, что отрываю вас...

– Давайте, без церемоний. Слушаю вас, штандартенфюрер, – не отрываясь от оптической линзы, делово распорядился Хубе.

– Возвращаясь к нашему разговору, – фон Дитц иронично изломил платиновую бровь. – В Христа, до прихода большевиков, неистово веровали и в России, не так ли? Я слышал в Орле, от одного русского попа, что де есть божественное предназначение России...

– Мистика? – генерал не спеша сунул во внутренний карман оптический прицел, вопрошительно глядя на Отто.

– Если угодно, мой генерал. Мистика русского православного народа, как богоизбранного...Хм, через страдания во Христе обретающего Царствие небесное...– глаза барона, как осколки серого льда, холодно, выжидающе смотрели на командующего.

– Занятно, что-то ещё? – на загорелом, несколько одутловатом от коньяка лице Хубе, проступил румянец. Немигающий взгляд эсэсовца гипнотически давил своей волей.

– Если быть кратким, – Отто щёлкнул каблуками, – по словам того попа...» Весь смысл русской истории, вся мировая миссия русских заключается в безропотном исполнении Божественной заповеди приготовления к Страшному Суду...» Хм, что там ещё? – фон Дитц свёл брови. – Ах, да! «Готовность к явлению Нетленного Царства, нового Града Иерусалима». Что де, создавая Россию, народ их расходился по пескам диких пустынь и безжизненным льдам, готовил эти земли ко Второму пришествию Спасителя, одухотворял мёртвое живым и сам готовился к последним временам...

– Довольно, друг мой! – властно перебил Хубе. – Полагаю, вам хорошо известно... Эти времена наступили в начале сего века, когда грязная, алчная саранча в лице жидовствующих комиссаров стала язвить и жалить царскую Россию, а за тем и нашу Германию. Одну минуту, полковник! – генерал протестуя поднял руку. В его свинцовых глазах грозно отразились пожары Сталинграда, в голосе зазвенел металл:

– Чёрт возьми, барон! Вы бы ещё прислушались к откровениям вонючего раввина из синагоги... Halt die Kiappe! Scheibe!¹⁵ У этих пейсатых падальщиков в Талмуде... схоластического сифилиса – о богоизбранности их народа... много больше, чем золота в банках всего мира. Право дело! – генерал Ганс Хубе подозрительно посмотрел на Отто и недовольно дёрнул щекой. – Теперь вы... удивляете меня, барон! Какое к чёрту учение? Какой взгляд на русский народ? Всё в прошлом! Всё залито царской кровью и проклято Небом. Увы, друг мой, я не толкователь Апокалипсиса. Я генерал Вермахта и не смогу вам дать должную трактовку: ни Страшного Суда, ни Второго Пришествия. Но!... Даже не будучи знатоком на сём поприще, дам два совета.

Первое! Все убийства, ленинские расстрелы и сталинские репрессии-концлагеря, когда большевистское зверьё взрывало храмы, а священников грузили на баржи и топили в ледовитых морях, когда цвет нации – царских офицеров рубили саблями... Когда миллионы землелепашцев, которые кормили Европу пшеницей, – морили на каторгах и коммунистических стройках, тогда и случилось завещанное Предначертание судьбы, будь я проклят, если не прав! Убитых праведников, царскую семью, в жилах которой было из века в век изрядно нашей германской крови, Создатель поднял с земли на Небо, под своды своего престола... А здесь, на поруганной. Осквернённой земле, не осталось России.

Ганс Хубе с нескрываемой ненавистью и презрением снова метнул взгляд на пылающий Сталинград. Казалось, город вместе с Волгой, охваченный огнём, туманным багровым полуводьем утекал в гремящие небеса, просачивался сквозь дымовую завесу, уходил в кровавые полыньи, похожие на дышащие раны, промытые среди грязных кольчуг и доспехов брюхатых туч.

– А здесь, то что осталось, – скрипуче продолжил генерал, – не народ, не Россия, барон... А пустоеместилище нелюдей: эффлингов¹⁶, шретлингов¹⁷ и жидов-шарлатанов, которые управляют ими, сидя в Кремле.

– Майн Готт! Вы, генерал, говорите о России, с которой мы ведём второй год войну... как белый офицер в эмиграции – едко заметил фон Дитц.

– И тому есть причины, штандартенфюрер. – Хубе хрустнул суставами пальцев. – Мой дед, по линии отца служил в одном из лейб-гвардейских полков Его Величества. Порукой моим доводам и бывшие встречи-беседы с маршалом Маннергеймом, тоже, кстати, прежде состоящим на службе русского императора. Но сейчас, чёрт побери, не об этом!

Генерал, заложив руки за спиной, нервно прошёлся туда-сюда, вдоль стены. Остановил свой ход. Его малиновое лицо, скачущие глаза обрели вдруг выражение предельного недоверия и раздражения. Он приблизился к фон Дитцу, озирая его со всех сторон, будто желал убедиться, что перед ним натуральный, из костей и кожи, человек... Тот самый бравый штандартенфюрер, командир ударного танкового батальона из 2-й элитной танковой дивизии СС «Дас Райх», а не воткнутая в битый кирпич ряженная кукла.

– Что-то не так, гер генерал? – Отто хладнокровно ответил на каждый взгляд Хубе, и на его бесстрастном холёном лице скользнула белоснежная волчья улыбка.

¹⁵ Помолчите! Чёрт знает что! (нем.)

¹⁶ Унизительное прозвище славянских народов, от немецкого слова «обезьяна» (руг.)

¹⁷ От немецкого слова «леший» (руг.)

– Всё так... – тихо буркнул командующий, словно сказал: «А вы, не так очевидны, барон, как кажетесь. Мне ещё нужно понять до конца, кто вы такой! Какого беса, вы, офицер СС, задаёте такие странные вопросы? Вам следовало бы помнить и быть бдительным... Подобные разговоры... среди офицеров Вермахта... в сфере пристальных интересов особых ведомств СД и гестапо. И сурово, очень сурово караются...»

– К чему вы подстрекаете? Тех, кто поднимает подобные темы на фронте, следует проверять и проверять!»

Отто в первый раз сталкивался с такой враждебной реакцией «Старины Ганса», как он окрестил для себя командующего корпусом, ещё при первой их встрече. Понимал, что генерал-лейтенант опасается: не то провокации с его стороны, не то какого-то подлога. Чувствовал, что все его усилия встроиться в прежнюю армейскую обойму понимания и доверия терпят крах, а само великое дело, ради которого все они собрались здесь, на Волге... Ради коего он, Отто фон Дитц, готов был жертвовать, воевать, умирать, начинает сползать и падать не в ту яму. Видя всё это, он торопливо, досадуя, что его перебьют, начал первым:

– Я сожалею, что мы не поняли друг друга, гер генерал. Право, мои вопросы, касательно «русской идеи», «мистики», «православия»... лишь праздное любопытство. Ещё раз прошу извинить. Вряд ли, я должен доказывать вам, экселенс, что готов сражаться за фюрера, Третий Рейх! Если нужно, я готов умереть! Вы и так знаете...

– Более чем! Гуд, зэр гуд! – в свинцовых глазах генерала отразились награды Отто фон Дитца: Рыцарский крест с дубовыми листьями под воротом чёрного кителя и Железный крест на левом накладном кармане эсэсовского мундира.

На набрякшем лице командующего появилась знакомая покровительственная улыбка, накал напряжения спал.

– Я рад, что всё так разрешилось, штандартенфюрер. И всё же, с позиции человека старшего вас и по званию и по годам... дам вам и второй совет. Держитесь крепко правительственной доктрины, друг мой. Лишь она, не мнимая, но реальная и действенная панацея от всех бед и сомнений. Лучшее все исцеляющее средство от всякой душевной хандры, помогающее во всех случаях жизни. Уж, поверьте моим сединам, барон. Феноменальность нашего фюрера: он всегда и во всём прав! Его боготворит, возродившийся из пепла, немецкий народ, Его боится весь мир, Ему благоволят Небеса! Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер! – Отто с готовностью вскинул руку.

Глава 7

Чёрт в костёр! Как тут было не разделить доводов Ганса Хубе? Как не согласиться с разносторонним гением фюрера? Все фельдмаршалы, генералы только и говорили о военном гении Гитлера. Ведь он и впрямь за шесть недель сокрушил Францию, считавшуюся самой сильной военной державой в Западной Европе. Завоевал и Европу, и оккупировал за несколько месяцев огромный кусок Советского Союза – от Балтики до Чёрного моря. Генералы Гитлера на самом деле видели в бинокль рубиновые звёзды Кремля. И эту победу нацистская Германия одержала, несмотря на то, что народы СССР в течение десятилетий недоедали – недосыпали, готовясь к войне.

Да, коммунисты во всём мире без устали повторяли:

«Гитлер – это война, разруха и смерть!»

И они не ошиблись.

Но униженная Германия жаждала реванша. Она готова была к войне, к крови... К жертвам, во имя было славы... И она её получила. «Богемского ефрейтора» – Адольфа Гитлера, покорённая Европа, теперь ставила в один ряд: с Александром Македонским, Цезарем, Атилой, Наполеоном...

Теперь никто не мог оспорить тот факт, что в «Майн Кампф» всё было изложено ясно и недвусмысленно...» Францию надо уничтожить, но лишь для того, что бы Германия смогла распространиться на Восток и осуществить свою давнюю мечту о расширении «жизненного пространства» для немцев!

Правда, «по дороге на Восток», механизированные дивизии захватили ещё и Австрию, и Судеты, и Скандинавию, и западные провинции Польши с Данцигом (Гданьском) и т.д. Но, ведь, это была железная поступь Третьего Рейха – новых властелинов мира, перед которыми никто не мог устоять.

«Мы, национал-социалисты, – самозабвенно кричал с трибун фюрер, – начинаем там, где всё кончилось шесть столетий назад. Точку отсчёта, я вижу в дали туманных веков, когда наши отважные предки отбросили далеко на восток грязных, тупых славян!

Мы прекращаем вечный поход Германии на юг и запад Европы и обращаем свой взор на Восток... И если мы сейчас говорим в Европе о новой земле, то в первую очередь имеем ввиду одну лишь Россию и подчинённые ей окраины государства». «Гигантская неповоротливая империя на востоке созрела для катастрофы. И конец жидовского господства в Красной безбожной России будет концом России, как государства!»

«Почему же все так были удивлены, что канцлер Гитлер стремительно пошёл по пути осуществления этих грандиозных целей? – со злорадной усмешкой вспоминал фон Дитц. – И в самом деле, почему? Пожалуй, потому, что программа Рейха была уж слишком амбициозной, «бредовой», как думало большинство политиков изнеженной Европы, – не имеющей, так сказать, прецедентов? Или потому, что программа эта не считалась с реальной расстановкой сил и требовала кардинального передела мира?»

Но XX век научил всех! – что даже самые бредовые идеологические, религиозные, мистические и экономические программы помогут вопреки всему воплощаться в действительность. Особенно если при этом отбросить розовый гуманизм и следовать лозунгу: не жалеть человеческих жизней! Цель оправдывает средства. И фюрер никогда не жалел ни чьих жизней...

Как Бог свят! Железный Отто, убеждённый пангерманист, готов был подписаться под каждым словом своего вождя. Особенно его радовало и восхищало в «Майн Кампф» – внутривнутриполитическая программа Гитлера, так же основанная на базе «расовой теории»

Гитлер заявлял на помпезных съездах нацистов, что построит в Германии совершенно новое «Иерархическое государство» на базе «расовой теории», сам станет «отцом нации –

абсолютным диктатором», а в один прекрасный день и «господином мира. Разумеется, в этом «чистокровном» государстве не будет «еврейских вампиров» и «насекомых». Не будет в этом государстве и «либерально-демократического дерьма».

Отто хорошо помнил этапное, основополагающее заявление своего кумира, что уже в Вене он воздвиг гранитный фундамент своего мировоззрения: неистребимую ненависть к евреям, цыганам, прочим темнокожим инородцам с Востока, к демократии и к марксизму. Озарение в том, что само Провидение избрало германский народ стать «нацией господ». Сказано-сделано.

...Теперь Германия могла дышать полной грудью и с горделивым достоинством держать голову. В Третьем Рейхе теперь не было «еврейской заразы», «еврейских вампиров», – которыми самым тщательным образом всерьёз и надолго занимался создатель «империи смерти», «бюрократ очистительного террора», «непревзойдённый расовед», отец-основатель концлагерей в Польше, на оккупированных территориях Советского Союза, Венгрии, Чехии, Югославии, – интеллигентного вида 2палач в пенсне» рехсфюрер СС Генрих Гиммлер. Кумирами нацистов изначально были суровые-мужественные-воинственные римляне, викинги, рыцари, – беспощадные завоеватели земель. Оставались они немеркнущим идеалом и для рейхсфюрера СС. Собиравшегося вывести в своих «генетических питомниках» «истинных арийцев», с помощью скрещивания и «селекции».

Долетавшие порой до Берлина гневные ноты протеста мировой общественности, в адрес политики фюрера, Отто фон Дитц воспринимал всё с той же невозмутимостью римского центуриона. Холокост – приписывали истерической ненависти Гитлера и его окружения к евреям. Враги Третьего Рейха, осевшие за Ла-Маншем и Атлантикой, забросили даже жёлтую утку, что де Гитлер был уверен, что его отец был наполовину евреем, и умер от сифилиса. Эта вера вполне могла влиять на поведение наци «1 – независимо от того, соответствовало ли это истине. Якобы Гитлер считал свои физические аномалии – гипоспадию и *spinf bifida occulta* – результатом унаследованного от отца сифилиса. И его гнев вполне мог стать питательной средой для антисемитизма, для его уверенности в том, что сифилис изначально – «еврейская болезнь».

...Другие кликуши от политики с пеной у рта убеждали мир, что де у Гитлера был сифилис не врождённый, а приобретённый, который он якобы подцепил в молодости, в годы Первой Мировой войны, воспользовавшись услугами еврейской проститутки.

...Третьи сорочили-каркали, что у нацистского вождя якобы был височный, или гигантоклеточный, артериит – аутоиммунное заболевание, вызывающее патологическое воспаление артерий. Что этот диагноз мог бы дать объяснение – головным болям, сердечным симптомам, проблемам со зрением и периодическим кратким помешательствам, в минуты которых фюрер становился сумасшедшим, исчадием ада или просто – воплощением Зла.

Но, как бы не упражнялись в клеветнических задачах враги Рейха, пытаясь с научной точки зрения, посредством психоанализа создать «психологический профиль» нацистского диктатора...Реальное положение вещей оставалось неизменным. Адольф Гитлер оставался сверхэнергичным, деятельным политическим лидером Германии, вершившим судьбы миллионов, смело, по-своему разумению перекраивающим знакомую всем карту Европы и Азии.

«Весь этот пасквильный грай...вокруг благословенного для каждого немецкого патриота – имени Гитлера, – заключал фон Дитц и цитировал любимого Иммануила Канта, философа из Кёнигсберга: есть «писк мыши в амбаре, из которого хозяин вынес зерно».

Что же до ненависти фюрера к хитронырым, подлым иудеям?..Что ж, отчасти это так, – резюмировал Отто, – но лишь от части. Гитлер, Гиммлер, Борман, Геринг, Геббельс, Гесс, Гейдрих и другие вожди Рейха, прежде всего политики...Да, политики нацистской очистительной идеи, а уж потом всё остальное. И они, чёрт возьми, как умные, проницательные политики и верные сыны Фатерлэнда не побоялись спасти от хаоса и катастрофы страну, построить новое идеологическое государство для немцев – титульной нации, определяющей дух, куль-

туру и историческое величие страны. Ficken bumsen blasen! – у него не хватало нервов спокойно обсуждать эту тему. – Всё верно! – Noblesse oblige. Manu military, igni et ferro¹⁸ – можно добиться очистительного террора и железного порядка в разваливающейся на части стране!

Да, антисемитизм был, есть и будет одной из важнейших опор Великой Германии. Иностранцы, пришедшие в твою страну за лучшей долей, обязаны помнить своё место! Уважать и беспрекословно исполнять её законы! Знать язык и чтить традиции тех, кто позволил тебе жить и строиться на их земле. А как иначе?! Исконный народ, который на протяжении столетий, своим трудом, своей мыслью и кровью, своей любовью, верностью и костями, – создавал Державу, определял её границы, должен уметь и за неё постоять! Только ложь, глупость и трусость политиков Веймарского болота – не давали им сказать сей очевидной правды. Любая страна, если в ней нет крепких национальных корней, вековых традиций, родного языка, твёрдой веры отцов и дедов – обречена, быть осёдланной мировым еврейством; обречена, быть исклёванной до костей, расчленена и перепродана, как шлюха, в четвёртые руки! Сему примеров тьма, вот только несколько из них: задушенные еврейским ростовщицеством-мздоимством католические Португалия и Испания, напрочь ожидавленная соседка-Польша, Красная Россия, где клювастые и глазастые стервятники ослепили и оскопили исконный народ... И наконец Веймарская Германия, где ядовитые миазмы олигархического еврейства, подобно прокаже разъели и уничтожили экономику, промышленность и индустрию страны, превратив за два десятка лет, прекрасную Германию в вонючий, нищий скотный двор Европы!

Так что зоологическая ненависть к двуликим, хитронырым, не имеющим своего отечества евреям, у немцев в крови». И уничтожение 6 миллионов из них, – по убеждению штандартенфюрера СС фон Дитца, – было делом стратегически архиважным, политическим, а более делом чести.

А в прочем, в «обойме» репрессивных планов нацистов, имелось и другое, не менее важное обстоятельство, объединявшее столь «неслыханный акт дискриминации и вандализма». Уничтожение евреев и цыган было лишь пробным шаром в игре Третьего Рейха, так сказать, генеральной репетицией перед массовым уничтожением славян.

По своим надёжным связям в Берлине, Отто фон Дитц был хорошо осведомлён: в стратегические планы Германии входило крутое перекраивание всего европейского континента вплоть до Уральских гор включительно, и заседание этих гигантских плодородных земель на востоке «арийцами». И конечно же, границах одного Рейха!

Но на востоке в ту пору не было свободных территорий, хоть лопни! Там была Польша, Чехословакия, был Советский Союз – а, стало быть, жили поляки, словаки, чехи, русские, украинцы, белорусы. Иными словами – славяне.

Болгары тоже были славянами, но их Гитлер (до времени) не собирался уничтожать. Наоборот, правительство Болгарии в 1940 году заключила пакт с фашистской Германией и воевала теперь на её стороне. Однако тут, слегка перефразируя слова Германа Геринга, можно сказать, что кого считать презренным славянином – определял лично фюрер.

Как офицер СС, Отто знал не понаслышке... Существовало и ещё одно возражение против тезиса о тотальном истреблении славян: когда фашистские войска вступили на земли Советского Союза, они умерщвляли, отнюдь, не всех славян, а только «комиссаров».

– Но кого следует зачислять в этот «мясной рулет»? – ёрничал по сему поводу с офицерами за шнапсом фон Дитц. – Командиров Красной Армии? Коммунистов? Политработников? Партизан? Сочувствующую большевикам интеллигенцию?

– А кому бы вы...отдали предпочтение из этого списка, господин барон?

– Нет, в самом деле, Отто?! – звучали с разных сторон хмельные, возбуждённые голоса эсэсовцев.

¹⁸ Положение обяывает. Только «военной рукой», вооружённой силой огнём и мечом (лат.)

– В этой стране Дьявола десятки разных племён! И все упрямые, дикие, злые... Пойди разберись!

– И всё-таки, кого убивать в первую очередь? Ваше слово, штандартенфюрер!

– Хороший вопрос, Георг, прямой и по делу. Конечно, евреев, – с покровительственной нотой в голосе, скрепил Отто. – Гарантирую! Это вам, господа: и комиссар, и коммунист, и политрук-агитатор... Словом, пять в одном! Недурный улов, а?

– Ха-ха-ха-аа!!

– Браво, барон! В самое яблочко!

Общее веселье прервал громкий голос из-за соседнего стола.

– Господа! Гос-по-да-а!! – командир танкового взвода Франц Роттлуфф гремел вилкой о край пустого фужера. – Пр-рошу внимания, господа-а!

За столами взялась «любопытная» тишина. Роттлуфф громко икнул и начал:

– Всё так, господа, всё так... Но, не кажется ли вам... Что мы чертовски свирепствуем?! ММ?

Он пьяно качнулся и обвёл всех сырым напряжённым взглядом. – Ведь, на этих... выжженных, усыпанных костями и черепами землях... нам, господа, пускать корни, мм?! Здесь, если следовать логике и прагматике Рейха... жить нашим потомкам, детям и внукам, мм?! Я думаю...

– А вы не думайте, Франц! – фон Дитц ударил кулаком по столу. – За вас... и за нас всех, чёрт побери, уже давно подумали и решили!

У покерного стола заскрежетали отодвигаемые стулья. В прокуренном воздухе, словно озоном, запахло опасностью и натянутыми нервами.

Глядя на офицеров своего танкового батальона, холодными, как цельные куски льда, глазами, Железный Отто отрезал:

– Мне не по вкусу ваша дерьмовая музыка, Франц! Хватит умничать, гауптштурмфюрер. Вы немецкий офицер... или жид-аптекарь, который в втихаря приторговывает из-под прилавка марксистской отравой?

– Я попросил бы вас!.. – вспыхнул Роттлуфф, на красном лице, которого выступили капли пота.

– Молча-ать!! – фон Дитц стремительно поднялся из-за стола, опрокидывая бокалы и рюмки, впился глазами в Роттлуффа. И в то же мгновение тому показалось, будто в позвоночник ему ткнули штыком.

В распивочном зале повисла абсолютная тишина, нарушаемая лишь позвякиванием осколков стекла, падавших на пол.

Но Роттлуфф был, отнюдь, не из робкого десятка, не собирался отступить и, похоже, был готов рыть землю за свою точку зрения. Сжав кулаки, он вскинул голову, как бойцовский бык, и процедил сквозь зубы:

– Чёрт меня дери, если нет! На моём счету девять подбитых танков иванов и четыре орудия! Вы знаете, я не трус... Но из-за этой бессмысленной бойни гражданского населения... Endmadig! Scheibe!.. Мы все по колено в дерьме, господа. А это не есть хорошо. Не знаю, как вы, но я уверен... духи славян будут преследовать нас и наших детей до конца!..

– Dummkopf! – снова взорвался фон Дитц. – Вы суеверный идиот, Роттлуфф! И я, клянусь честью своего рода, побеспокоюсь о вашем переводе в пехоту из нашего танкового братства! Алкоголь расшатывает ваши нервы, гауптштурмфюрер! А в нашем деле прежде всего германский дух и воля к победе!

– А кровь? – уже не так уверенно прорычал Роттлуфф. – Кровь, которую мы льём день за днём... не расшатывает?

– На войне, как на войне. У нас общее дело Франц.

– Но возможности разные.

– Хорошо хоть не взгляды, гауптштурмфюрер. Не правда ли, господа? – барон продолжал отхлёбывать чёрное вино, улыбаясь каждому из офицеров по очереди. Его взгляд заставил заледенеть кровь в жилах более трезвых, а у Франца Роттлуффа пуще прежнего запульсировали виски. – Да возможности разные, – продолжил фон Дитц. – Ну так, ведь, известно: каждому своё, дружище Франц.

– А кому и чужое... – едва слышно огрызнулся Роттлуфф и уже громче сказал. – Я солдат, а не палач.

– Браво, Франц! – Отто пару раз театрально хлопнул в ладоши. – Лихо вы в одночасье записали нас всех в палачи. Как у вас всё просто, дружище, прямо сердце радуется.

– Это у вас всё просто, господин барон. Разрешите сказать...

– Вот только не надо передо мной исповедоваться, Роттлуфф. Я не папа Римский... И индульгенций не выдаю. Наш незабвенный боевой соратник Герман Шнитке, тоже забивал себе голову дурными вопросами... Светлая память герою. А теперь ещё раз, все уяснили: безбожники иваны не прощают «слабости». – В 17-м году они, под сурдинку жидов, отреклись от Бога, предали царя и захватили власть. Большевики угроза всему цивилизованному миру. Или мы или они, третьего не дано. Эти нелюди «милосердие» почитают за слабость и трусость. Скот понимает лишь палку. Поэтому я за короткую дистанцию понимания, господа, – слегка расширившимися глазами, он снова оглядел офицеров своего ударного батальона. – Пуля в лоб. И всем всё сразу понятно. Мы солдаты СС – беспощадны к врагам Рейха. Мы выполняем приказ, чего бы это ни стоило. Мы – карающий меч фюрера. Всё остальное блажь! Не будьте розовой пуховкой, гауптштурмфюрер. Вы командир танкового взвода, на вас Роттлуфф, чёрт возьми, смотрят и ровняются ваши подчинённые. Скажу по совести, – взгляд Отто упал на стоявшего Франца. – Мне было бы жаль, вот так нелепо... терять из наших рядов... такого опытного, проверенного в сражениях офицера, как вы, Роттлуфф. И хватит пить, как русская свинья!

Пристыженный Роттлуфф посмотрел на боевых сослуживцев. Вокруг холодные-немые, как камни, лица и оловянные глаза. Снова взглянул на штандартенфюрера, своего командира, который пристально наблюдал за ним с улыбкой не более весёлой, чем оскал черепа. Наконец Франц Роттлуфф обрёл власть над своим голосом:

– Виноват, штандартенфюрер! Вспылил. Был не прав. – Он ревностно щёлкнул каблучками. – Прошу разрешить загладить свою ошибку в бою, гер полковник!

– Ну, вот так-то лучше, дружище Франц. За наше танковое братство, господа! За лучшую танковую дивизию СС за «Дас Райх», господа!

* * *

Так, думая о судьбе своей любимой страны, перекипая отвращением – ненавистью к врагам Фатерланда, всякий раз чувствуя, как далеко простирается его желчное раздражение, Железный Отто насилу сдерживал – принуждал себя быть нордически непоколебимым, подобно Зигфриду из древних героических германских саг и легенд, – победителю огнедышащего дракона и нибелунгов, – как и пристало быть триумфатору, представителю высшей, победоносной расы.

Как верноподданный рыцарь Ордена СС и своего Повелителя-фюрера, он даже в мыслях не пытался оспаривать доктрину Гитлера и его окружения, которую считал для себя безупречной, даже священной. Да и как, право, можно было спорить с идеологией Рейха, которая базировалась на серьёзных философских трудах учёных, перед которыми «передовой мир» с почтением снимал шляпу. Чего в научном мире стоили только их имена! Чарльз Дарвин, Йорг Ланс, Герберт Уэллс, Георг Шонерер, Карл Люгер, Редьярд Киплинг, Артур Шопенгауэр, Эрнст Хассе, Фридрих Бернгарди, Освальд Шпенглер, Жозеф Артур Гобино... Последний, кстати, был удостоен чести считаться создателем «расовой теории». Его самый известный теоретический труд «Эссе о неравенстве человеческих рас», тоже, как и изыскания выше

перечисленных западных интеллектуалов, – легли в основу «Майн Кампф», которая в свою очередь была замыслена Гитлером, как программа к действию! И действие не заставило себя ждать. «Фашистская буря» и впрямь смела и либералов, и социал-демократов, и коммунистов Германии в одни и те же нацистские лагеря. Ибо «универсальные» теории фюрера были дьявольски патриотичны, крайне убедительны, а главное действенны!» – в очередной раз убеждался фон Дитц.

Вот потому вопрос «кого уничтожить первым?» – для Отто попросту не стоял: всех, кто стоял с оружием на пути Рейха, всех, кто по рождению был ниже «расы господ». Кстати, «окончательное решение» по сему вопросу: «кого, когда и как?» было принято всего несколько месяцев назад, а именно 1942 году.

Старый приятель барона по НСДАП Герд Хейман, тоже член Ордена СС, рассказал ему при встрече, что по долгу службы был на этой закрытой конференции под Берлином. Она происходила на одном из красивейших озёр Германии, в окружении потрясающей природы.

...Там, в течение нескольких дней, скрупулёзно анализировалась история террора в нацистской Германии, коя резко делилась на две части: до 1940 года и после начала войны на Востоке – сперва против Польши, а затем и против Советского Союза.

Видит Бог! «Какой бы жуткой ни казалась система концлагерей на территории самой Германии и принцип заключения в «кацет» инакомыслящих или «инакокровных», какой бы садистской ни была мысль отдавать нормальных людей под власть «блатных» – уголовников, какой бы ужасной ни являлась система издевательств и наказаний заключённых – всё это меркнет перед чёрной историей террора в Польше и на оккупированных территориях СССР.

Тут уж происходило в полный рост то, что называется геноцидом, холокостом и катастрофой: истребление целых этнических групп, не сотен, не тысяч, даже не десятков тысяч, а многих сотен тысяч, а потом и десятков миллионов людей».

И надо сказать, что «интеллигентный», «тихий» Гиммлер к этому готовился заранее, тут он, что ни говори, оказался воистину прозорливым стратегом! Характерно, что на всём протяжении фашистского правления не выпускал концлагеря из поля зрения: то требовал, что бы там выращивали кок-сагыз¹⁹, то призывал отпетых уголовников из дивизии СС «Мёртвая голова» ужесточить и без того адский режим для заключённых. Концлагеря были «лебединой пеней», любимым детищем «человека в пенсне», в них он вкладывал всю душу, до самого донца. И рвение рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера принесло свои плоды. Его дьявольская мысль по-первости даже опережала технические возможности Ордена СС.

На первом этапе людей убивали, где придётся и как попало: в населённых пунктах, на полянах в лесу, за околицами деревень, на краю рвов, вырытых самими же будущими жертвами, рвов, где трупы лежали ярусами, слегка присыпанные землёй.

...Однако Гиммлер скоро понял, что так «не организовано» – не годится, не по-немецки, да и малоэффективно. Как следствие инженерами была сконструирована «душегубка», вместительный автомобиль-фургон, герметически закрытый. В него заталкивали сразу по несколько десятков людей – мужчин, женщин, детей, стариков, – запирали и пускали газы. В целях маскировки на фурах трафаретили окошки или набивали: «Хлеб», «Молоко». Тут создатели душегубок копировали гестаповские машины, разъезжавшие по немецким городам. Однако люди мгновенно стали различать эти «фуры смерти». Когда они появлялись, затравленный страхом народ, тут же разбежался кто-куда... Ещё больше «трудности» появлялись при разгрузке этих машин – люди в душегубках умирали мучительно смертью; трупы были зачастую сплошь загажены экскрементами, кто-то ещё утробно хрипел, был жив и его надо было приканчивать выстрелами или разбивать череп ударом приклада. Понятное дело: представи-

¹⁹ Каучуконосное многолетнее растение из рода одуванчиков (тюрк.)

тели «расы господ» в щегольских, чёрных без пятнышка мундирах и в надраенных до зеркального блеска сапогах не желали заниматься таким грязным делом.

Следовало придумать какую-то молниеносную – массовую – «продуктивную» казнь и как-то поставить весь «процесс» на современную, промышленную ногу, ибо уничтожать Третий Рейх желал одновременно тысячи, а лучше десятки тысяч людей! И мощные, каких ещё не видел свет, «фабрики смерти» были созданы в Освенциме, в Риге, в Собиборе, в Треблинке. Впрочем, это названия самых известных и "высокопроизводительных" фортов Смерти! А сколько было среднего калибра, традиционных концентрационных лагерей, попросту: с вышками, колючей проволокой, током, собачьими питомниками, бараками для лагерников и домами для эсэсовцев – не счесть! Там тоже без суда и следствия уничтожались евреи, цыгане, «комиссары» и партизаны.

С помощью немецких чудо-химиков вошёл в обиход газ под названием «Циклон Б» или «поцелуй Смерти», убивающий за несколько минут. Кстати коробки с «Циклоном Б» перевозились на машинах Красного Креста, который был глух и нем ко всему, что нацисты творили в своих концлагерях. Но это было ещё далеко не всё! Пусть весь мир зальёт вода – утке нипочём. Так и нацистам кровь... Необходимо было так же сконструировать помещение, куда этот газ пускали, – первое время такого рода «могильники» маскировали под душевые, и голых людей впускали туда партиями. Потом маскировать уже было некогда, да и не зачем. Жертвы просто-напросто загоняли, как овец и баранов в огромные наглухо крытые загоны и пускали «газ» – сбрасывали кристаллы на специальные решётки и смотрели в бойницы – все ли мертвы?... Создано было и оригинальное устройство, что бы трупы – без участия эсэсовцев – попадали в крематорий, потому как заходить в «загон», где происходило «загазирование», порой было небезопасно, по причине перегоревшей вентиляции, которая работала круглосуточно... Наконец, следовало сконструировать огромные печи-домны для циклопических крематориев – обычные печи, понятно, не годились: они были рассчитаны на одного покойника, а не на сотни и тысячи, говоря «индустриальным» языком, печи с «высокой пропускной способностью». И такие печи мастерски изготавливались фирмой «Топф и сыновья».

Начиная с середины 1942 года «индустриализация» в сфере убийств была полностью завершена.

«Массовые убийства, угон в рабство миллионов людей имели свой чёткий график, свои нормы, распределялись по срокам поквартального и месячного выполнения. Переброски миллионов обречённых на смерть либо рабство людей требовали соответствующего планирования железнодорожных перевозок. В строительстве камер-крематориев для сожжения трупов участвовали химики, теплотехники, инженеры и техники – строители; эти сооружения проектировались, проекты подвергались обсуждению и утверждению на самом высоком уровне. Техника массовых убийств была досконально разработана по отдельным операциям, как обычный производственный процесс. Драгоценности и деньги убитых, выломанные из челюстей золотые-серебряные мосты и коронки поступали в государственные фонды²⁰; мебель, вещи, одежда, обувь подвергались санобработке, сортировке, концентрировались на огромных складах-ангарах, а затем адресно распределялись. Сельскохозяйственные и военные мыловаренные предприятия получали по соответствующим заявкам и распределяли женские волосы, пепел и дроблёные кости убитых.

Нет, это не был смерч, промчавшийся по онемевшей от ужаса Европе. То была теория и практика расизма, фашизма и нацизма в одном букете. То был страшный замысел и его осуществление. То была идея Зла против Человечества и воплощение идеи. То был чертёж и здание, строго и чётко, с немецкой педантичностью построенное по этому чертежу».²¹

²⁰ Эсэсовский фюрер Поль сдавал их в имперский банк.

²¹ Гроссман, «Чёрная книга», Предисловие.

* * *

Но не столько «технически» следовало подготовить геноцид. Для фашистской Империи это было, конечно, архиважно. И здесь рейхсфюрер СС Гиммлер никому потачки не давал. Однако не менее важным являлось и аргументированное обоснование этой акции. Её следовало сформулировать, но при сём ясно и недвусмысленно. Чётко заявить, какую цель она преследует. Наконец, назвать «контрольную цифру», которую руководство Рейхсканцелярии и СД даёт Ордену СС. Цифру людей, предназначенных для уничтожения.

И вот 20 января 1942 года под Берлином шеф РСХА обергруппенфюрер СС Рейнхард Гейдрих, коий в аппарате СД получил прозвище «Падший ангел», собрал конференцию, на которой присутствовали сотни его людей из СС, а также гестапо и представители разных министерств и ведомств, включая министерство иностранных дел.

«То была, – по словам Герда Хеймана, приятеля фон Дитца, – быть может, самая странная конференция из всех, что когда-либо происходили в мире! На Вайннзейской конференции речь шла ни больше, не меньше, как о поголовном уничтожении евреев в Европе!

Правды ради, слово «уничтожение» не произносилось. Его заменяли эвфемизмами: «радикальное решение», «депортация», «особое обращение» и наконец, – «окончательное решение еврейского вопроса». Так эта конференция и вошла в мировую историю: конференция в Ваннзее по «окончательному решению еврейского вопроса». Евреи были объявлены – врагами народа, а окончательное решение – условием выживания немецкой нации. Ни более ни менее!

Впрочем, в Ваннзее теорией особенно не занимались – там не обсуждали, нужна ли «ликвидация», там решали, как её осуществить на практике.

Если бы конференцию собрали не на роскошной вилле №56/58 под Берлином, на одном из красивейших озёр Германии, а где-нибудь в подземном бункере, которых у нацистов было в избытке; если участники съезда скрывали свои лица под масками и тайно от всего мира решали этот вопрос, это было бы хоть отчасти понятней... Ведь, право, трудно поверить, что в середине XX века люди в прекрасных форменных мундирах (от Хуго-Босс) и в отменно сшитых костюмах, крупные чиновники государства громко, ни чуть не смущаясь, обсуждают, как половчее убить 12 миллионов евреев, в том числе глубоких стариков и грудных младенцев. Цифра на конференции фигурировала именно такая – 12 миллионов.

Но конференция в Гросс-Ваннзее происходила совершенно обычно, как и все другие на этой земле. Милые стенографистки вели протоколы, в перерывах господана-наци пили кофе, шутили, обменивались впечатлениями, азартно спорили, а в конце шеф РСХА обергруппенфюрер СС Гейдрих и его подчинённые сидели у потрескивающего камина, курили трубки, кубинские сигары и с удовольствием потягивали восхитительный французский коньяк.

...Из оживлённой беседы с бригаденфюрером СС Гердом Хейманом, Отто фон Дитц теперь знал, что существовала, отнюдь не только итоговая цифра по евреям, но и по другим странам всё было уже аккуратно распределено. Так, в Красной России, к примеру, безоговорочной ликвидации подлежало 8 миллионов человек – в основном «жиды», «комиссары» и партизаны. Этому обстоятельству откровенно радовался сам рейхсфюрер СС Гиммлер, но ещё больше такие каратели, как Бах-Зелевский, коий был ответственным лицом от СС за борьбу с партизанами в Белоруссии, прославившийся тем, как прежде он свирепствовал в Латвии и Эстонии, а позже под корень уничтожил Варшавское еврейское гетто. Равовались итогам конференции, поздравляли друг друга и руководители отделов РСХА Небе и Олендорф, не самые щепетильные люди в СД по вопросам уничтожения всяких там инородцев и прочих «второсортных уродцев», вредных «бацилл» и «насекомых».

Все они с неистовым фанатизмом разделяли идеи «Майн Кампф» и превозносили Адольфа Гитлера, дарованного Германии, по их убеждению, самим Провидением.

«Главное для страны – не экономика, не благосостояние народа, главное – идеология, германский дух!»

«Где лучше всего укрепляется воинский, рыцарский дух? Да уж, конечно, не в мягкой постели, не в обстановке изобилия и праздности. Но в вооружённой борьбе, в экстремальных и боевых условиях!»

«В вечной борьбе человек стал великим – в вечном мире он гибнет»

«Самый храбрый получает право на жизнь, на господство... Сильнейший должен повелевать, а не растворяться в более слабом, жертвуя собственным величием». «Стало быть, кто хочет жить, тот сражается! Кто не хочет вражды в этом мире, вечной борьбы, не заслуживает жизни. Даже если это жестоко, это так, а не иначе.

И наконец, последняя и особо важная основная тема «Майн Кампф» – улучшение расы и порабощение низших рас, – особенно взрывала восторгом огромные залы и площади немецких городов.

«Для создания более высоких культур крайне важно было наличие людей низшего сорта... Убеждён, что первая культура человечества основывалась не на прирученных животных, а на использовании низших – примитивных сортов людей. Только после порабощения покорённых рас подобная судьба ожидала и животных... Ибо сперва плуг тащил раб, а уж потом лошадь.»

Словом, «всё, что не является хорошей чистокровной расой на этой земле, – дерьмо и отбросы».

Как показала дальнейшая жизнь: на европейском континенте «отбросами» были не только еврей, цыгане, но и славяне.

Хейман приоткрыл и другую тайну Отто... Оказывается «контрольные цифры» были даны не для одних лишь оккупированных стран, но и для Англии (580 тыс.), Португалии (13 тыс.), Швеции (12 тыс.), Швейцарии (18 тыс.), Испании (16 тыс.), Ирландии (46 тыс.), Турции (155 тыс.) и т.д.

Однако кое-что в этой конференции всё же настораживало бригаденфюрера Хеймана и он косвенно поделился этими соображениями с бароном.

Беспокоило:

– Почему её проводил не Гиммлер, а Гейдрих? И говорил он не от имени Гитлера, не от имени своего непосредственного шефа Гиммлера, а от имени... Геринга.

– Да и присутствовали на Гросс-Ваннзейской конференции не министры, а статс-секретари, заместители министров...

– Испугались ли Гитлер и Гиммлер ответственности? Как никак дело происходило уже в 1942 году, то есть когда блицкриг уже можно было считать проигранным, а Германия, при всей технической мощи, не была готова к длительной – затяжной войне.

– И потом, нацисты оказались перед лицом мощнейшей коалиции с невиданным военно-промышленным и людским потенциалом, с которым поневоле приходилось считаться.

* * *

– Я, полагаю, Отто, – Герд Хейман на секунду замялся и мучительно наморщил окатистый, как морской голыш крупный лоб. – Я склонен считать, что и сам фюрер и его рейхсфюрер СС... не захотели лишний раз, хм, мараться в этом деле. Что ни говори, как ни драпируй эту акцию, а бойня есть бойня. Нас ждёт горячая пора. Вы, барон, пожалуй, не в курсе... Фронт благородное дело. Но и мы здесь не сидели без дела. Акция «Эвтаназия», которую мы провели повсеместно... вызвала, как назло, большую шумиху и недовольство в нашем «эдеме». Вся Германия встала на дыбы...

– «Эвтаназия»? – Железный Отто с интересом переспросил, глядя в блестящие нетерпеливые глаза Хеймана, на его золотые запонки, шёлковый итальянский галстук, респектабель-

ную велюровую шляпу, чувствуя исходящий от него сдержанный и прохладный запах дорогой кельнской воды.

– Да «эвтаназия», – бригаденфюрер втянул сквозь зубы воздух и шумно выдохнул, – умерщвление «лишних едоков» – неизлечимо больных, уродов, гомосексуалистов, шизофреников, эпилептиков и прочий дефективный хлам. Увы, и среди немцев оказалось много мусора. А нация, как ты знаешь, должна быть здоровой и сильной.

– И что же?

– Всё проводилось тайно, но гвоздь в сапоге не утаишь. Где-то прорвало. Благо наши службы работают, как швейцарские часы. Провокаторы и кликуши были схвачены и уже расстреляны. Но настроение фюрера испорчено. Возможно, именно это обстоятельство повлияло на решение вождя не присутствовать на конференции в Гросс-Ваннзее. Как знать?

Scheibe! Герд Хейман – Хитрый Лис ловчил и недоговаривал главного и Отто, не дурно разбиравшийся в психологии людей, чувствовал это. Бригаденфюрер лукавил... Только вот зачем?

Отто усмехнулся в душе: «Чем бы дитя не тешилось... Главное, что в Рейхстаге от слов перешли к делу. Массовое уничтожение «леших» и «обезьян» – началось!» Это вдохновляло и радовало нацистское сердце фон Дитца. Мир в скором времени обещал быть здоровым и чистым.

«Священный Грааль! Как всё-таки и превосходно ощущать себя нацией господ! *Suum cuique*²². Деление Человечества – на «мусор» с одной стороны, и на «ариогероев», – с другой, произошло!

Что ж, таковы законы тоталитарной системы. У неё своя правда и логика. Очистительные жернова террора, во благо нации, обязаны молотить до конца. Гигантский карательный аппарат должен действовать даже в ущерб самому себе. Если для благополучия Германии необходимо уничтожить в лагерях смерти 12 миллионов евреев, – отравить в газовых камерах или убить выстрелом в затылок, – значит это необходимо сделать. Ведь, до этого... Что было до этого? – по-волчьи улыбнулся он сам себе. – Так, баловство, игра в солдатиков. До этого были погромы. Хрустальная Ночь... Жидов сажали в концлагерь. Сделали изгоями, как до прихода нацистов, по милости еврейства, изгоями в собственной стране были немцы. Что ещё? Ах, да, семитов нарекли «недочеловеками». Шеф СС Гиммлер и вовсе назвал их «вшами» и «паразитами» на теле Германии, «вредными насекомыми». Говорилось, что всех их надо отправить на... Мадагаскар или ещё куда подальше... быть может, во льды Антарктиды?..

Да, такие программы действительно существовали, даже обсуждались, но лишь для вида. Потому, что всерьёз их принимать было нельзя. Впрочем, кто знает, как бес линяет? Что можно и что нельзя принимать всерьёз при тоталитарном строе? – кривил непослушно-твёрдые губы барон. – Ведь, мог же этот палач – диктатор, людоед Сталин высылать целые народы, миллионы людей, крестьян в гиблые, непригодные для жизни края? Ещё, как мог!..

Во всяком случае, до этой Ваннзейской конференции речь шла о «депортации». И цель указывалась: «для защиты германской нации» от нечистой крови. Хм, так это начиналось... Хотя и за связь немца с полькой или польки с немцем тоже круто наказывали. Нерадивых немца или немку сажали в концлагерь, а поляка или польку казнили.

Нет, чёрт возьми... Будь мы все трижды прокляты... Если это не так! Мы перешли свой Рубикон. «*Alēa jacta est*» – Жребий брошен. – Он повторил знаменитые слова Юлия Цезаря, вопреки запрещению сената, перешедшего со своими легионами реку-Рубикон, что являлась границей. Обратной дороги...отныне нет. Против нас теперь...целый мир! *Ficken bumsen*

²² Каждому своё (лат.) Это изречение, только на немецком языке, было использовано на воротах концлагеря Бухенвальд, построенного 1934 в окрестностях Веймара (Германия). Очевидно: какой циничный-кощунственный и зловещий смысл сразу приобрело это философское изречение древних, в контексте нацистской доктрины.

blasen! Тем лучше: больше славы и почитания стяжает победоносный Рейх. Как Бог свят! Великий Рим тоже воевал со всем миром...И перед былым величием его ратных дел человечество и сегодня склоняет головы. Империя жива пока есть цель, сверхзадача и пока она способна завоёвывать всё новые и новые территории!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.